

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

**АВТОРИТАРНАЯ
РОССИЯ**

БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ,
ИЛИ ПОЧЕМУ У НАС
НЕ ПРИЖИВАЕТСЯ
ДЕМОКРАТИЯ

Владимир Гельман

**Авторитарная Россия. Бегство
от свободы, или Почему у нас
не приживается демократия**

«Альпина Диджитал»

2021

УДК 321.64
ББК 63.3(2)64-38

Гельман В. Я.

Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия / В. Я. Гельман — «Альпина Диджитал», 2021

ISBN 978-5-90-606708-1

Демократия не гарантирует гражданам, что они станут жить лучше. Но она позволяет снизить риски того, что в условиях автократии они будут страдать от произвола коррумпированных правителей, нарушающих их права, не имея при этом возможностей для мирной смены власти. Почему и как именно Россия за последние три десятилетия перешла от коммунистического режима не к демократии, а к новому персоналистскому авторитаризму? Посткоммунистическая Россия не справилась с дилеммой одновременности. – необходимостью решать задачи демократизации, проводить рыночные реформы и изменять национально-государственное устройство страны. Низкая вовлеченность граждан в политику помогла российским политическим акторам выстроить авторитарный режим и сосредоточить власть в своих руках. Сможет ли наша страна преодолеть эти тенденции и выйти на путь развития политических и гражданских свобод, или этот путь закрыт для нее на долгие десятилетия?

УДК 321.64
ББК 63.3(2)64-38

ISBN 978-5-90-606708-1

© Гельман В. Я., 2021

© Альпина Диджитал, 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	12
О чем будем говорить: Принципы и подходы	15
Демократия имеет значение... Но какое?	22
Российская политическая динамика: 1991–2021	27
Глава 2	32
Российская политическая диагностика: Наследственность, травма или отравление?	34
«Пессимисты»: Страна, непригодная для демократии?	35
«Оптимисты»: В ожидании устойчивого роста	38
«Реалисты»: Кому выгодно?	41
Механизмы демократизации	43
Демократизация: Почему у России не получилось?	48
Российская политика: Путь в тупик	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владимир Гельман

Авторитарная Россия. Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия

© Гельман В., 2021

© Оформление. ООО «Говард Рорк», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Предисловие

Приятным солнечным днем лета 1990 года я сидел в приемной Мариинского дворца в Ленинграде. Я был 24-летним активистом демократического движения, которое незадолго до этого одержало победу на выборах в городской совет. Вскоре я получил два очень разных предложения о трудоустройстве от двух различных групп моих знакомых. Одной из них была команда социологов, которые исследовали социальные и политические изменения в городе и в стране. Они пригласили меня присоединиться к их группе, утверждая, что мои инсайдерские знания о новых общественных движениях дадут хороший старт успешной профессиональной карьеры, связанной с изучением политических и общественных процессов. Другая группа включала ряд новых депутатов, которые были заняты реформированием органов власти в городе и были уверены, что мой опыт участия в выборных кампаниях и репутация активиста помогут улучшить довольно хаотичный процесс принятия решений.

Мне предстоял непростой выбор между должностью младшего научного сотрудника в Институте социологии Академии наук и должностью среднего уровня в формировавшемся тогда аппарате городского совета. Второй вариант казался более привлекательным, и после ряда бесед я пришел на интервью с председателем совета Анатолием Собчаком. Профессор права, избранный на Съезд народных депутатов СССР в 1989 году, он приобрел огромную популярность как яркий оратор и жесткий критик советской системы. Через год, после того как он получил место депутата в ходе довыборов, депутаты Ленсовета пригласили его занять пост председателя совета. Как это часто бывало, Собчак опаздывал, и, ожидая его прихода, я беседовал в приемной с секретарем Димой – симпатичным, улыбочивым и разговорчивым молодым человеком моего возраста.

Наконец Собчак прибыл, и мы прошли в его огромный роскошный кабинет. Ни о чем меня не спрашивая и даже, кажется, совсем не замечая моего присутствия, мой потенциальный босс начал длинную и страстную речь, как если бы он выступал перед сотнями слушателей, хотя кроме нас в кабинете никого не было. Думаю, он использовал эту возможность как тренировку перед одним из публичных выступлений, которые в то время принесли ему всесоюзную славу. Речь Собчака была полна яркой риторики, но довольно пуста по содержанию: он ругал прежнюю систему, критиковал текущую нестабильность и обещал, что город будет процветать под его руководством. После казавшегося бесконечным монолога он сделал паузу, и я смог задать вопрос, казавшийся мне ключевым для моей будущей работы: «Анатолий Александрович, а как Вы видите систему власти в городе, которую Вы хотите создать?»

Собчак наконец повернулся ко мне, словно спустившись с небес на землю, и сменил тон речи на более откровенный: «У нас очень много депутатов городского совета, они шумные и плохо организованные: они должны в основном работать в округах, вести прием граждан и отвечать на жалобы населения. У нас есть горисполком: он должен заниматься городским хозяйством, дорогами, озеленением, протечками, но не выходить за эти пределы. А я (широкий взгляд вокруг кабинета) с помощью моего аппарата (пристальный взгляд на меня) буду проводить политику в городе». Я был шокирован, услышав столь циничные суждения от человека, который в глазах многих людей воспринимался как символ демократии. «Но ведь это почти то же самое, что было при коммунистах... а как же демократия?»

Собчак, вероятно, был очень удивлен тем, что тот, кто, предположительно, мог стать членом его формирующейся «команды», задал ему столь наивный вопрос. Он ответил мне четко, с той интонацией, с какой университетские профессора порой сообщают первокурсникам прописные истины: «Мы теперь у власти – это и есть демократия». Это высказывание меня потрясло. Большие надежды на новую демократическую политику разом рухнули. Я не мог и не хотел стать маленьким винтиком в нарождавшейся политической машине. Я повернулся

спиной к Собчаку и, даже не попрощавшись, покинул кабинет. Затем я направился пешком в Институт социологии: буквально ушел в мир науки из мира политики.

Это был поворотный пункт моей профессиональной карьеры. К сожалению, у меня не было возможности получить формальное образование в сфере политических наук. Несмотря на это (или благодаря этому?), позднее я стал профессором политологии в двух университетах двух разных стран. Но уроки, которые я получил много лет назад в кабинете Собчака, оказались для меня не менее важны, чем многие учебники по нормативной политической теории. Я понял, что главная цель политиков – это максимизация власти. Иными словами, они стремятся находиться у власти с помощью любых средств так долго, как это возможно, и иметь столько власти, сколько возможно. Это стремление порой не зависит от их демократической риторики и публичного имиджа. В этом и состоит суть политики. Но одним политикам удается достичь этой цели, а другие не настолько успешны. Поэтому в одних случаях мы наблюдаем диктатуры разного типа (от режима Мобуту в Заире до Лукашенко в Беларуси), а в других – вариации иных политических режимов (отнюдь не всегда демократических).

На деле Собчак достичь своих целей и максимизировать власть в Ленинграде (после 1991 года – Санкт-Петербурге) не смог. Спустя шесть лет, в 1996 году он, будучи действующим мэром города, в ходе жесткой борьбы на выборах уступил с небольшой разницей голосов своему заместителю Владимиру Яковлеву. Другой заместитель Собчака, Владимир Путин, тоже кое-чему научился у своего руководителя и использовал его уроки в своей карьере политика. Но эти уроки отличались от моих так же, как политика отличается от политической науки. Путин, как минимум до настоящего времени, смог максимизировать власть в качестве президента и премьер-министра России, хотя сегодня он сталкивается с нарастающими вызовами. И секретарь Дима, которого я встретил в тот памятный день, тоже извлек для себя уроки. Дмитрий Медведев также занимал посты президента и премьер-министра России. Да, он по-прежнему симпатичный, улыбчивый и разговорчивый человек. Но в известном смысле он так и остался секретарем в приемной.

Эта книга – о том, почему и как после падения коммунистического господства в России сформировался и укоренился новый авторитарный режим и каковы его механизмы управления. За последние три десятилетия в политической жизни России многое изменилось. Ее атрибутами сегодня стали нечестные и фальсифицированные голосования взамен конкурентных выборов; подверженные политической цензуре (а часто и самоцензуре) СМИ; манипулируемые партии и парламенты, штампующие спущенные им «сверху» решения; зависимые и глубоко пристрастные суды; произвол государства в управлении экономикой; повсеместная коррупция; усиливающиеся репрессии со стороны властей в отношении своих оппонентов. Эти тенденции нашли свое отражение в многочисленных критических оценках международных и отечественных специалистов, которые, опираясь на разные методики анализа, характеризуют современную Россию как глубоко недемократическую страну¹.

Вряд ли в начале 1990-х годов кто-либо из участников тогдашних политических процессов в России ожидал такого развития событий. Но было бы неверно ограничиться лишь констатацией того, что «большие надежды» недавнего прошлого нашей страны обернулись разочарованиями в ее политическом настоящем и глубокими сомнениями в ее будущем. Эта книга призвана дать ответы на вопросы о логике политических процессов в нашей стране, о том, «как мы дошли до жизни такой» и почему три десятилетия после распада СССР не приблизили, а отдалили нашу страну от политической свободы. Какие причины обусловили траекторию политического развития России и скорое «бегство от свободы» страны, недавно избавив-

¹ В частности, характеристики политических режимов различных государств анализируются в рамках программы Всемирного банка Worldwide Governance Indicators (Voice and Accountability Index), Института V-Dem (Университет Гетеборга), Freedom House, Polity IV и других проектов.

шейся от коммунистического режима? Есть ли шансы на то, что Россия сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии? Или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия? Я полагаю, что поиск ответов на эти вопросы важен для российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни нашей страны. Тем более он важен для участников политических процессов в России.

Эта книга не академическое исследование, но и не публицистика. Хотя она основана на научной работе, которой я занимаюсь много лет², и использует материалы исследований многих специалистов, но адресована широкой российской (и не только) аудитории, интересующейся политическими процессами в нашей и других странах. Такой ракурс обусловил стиль изложения этой книги: я стараюсь объяснить используемые в ней термины доступным языком, не впадая при этом ни в глубокие исторические экскурсы со времен допетровской Руси, ни в рассуждения о специфике нашей страны в духе «умом Россию не понять»³.

Понимать Россию умом можно и нужно – проблема в том, как это грамотно сделать. Мой подход опирается на несколько важных принципов. Первый из них – это позитивные, а не нормативные рамки анализа. Иначе говоря, *я стремлюсь анализировать российскую политику не в свете того, «как должно/не должно быть», не исходя из представлений о должном, а в свете того, «как на самом деле» развиваются политические процессы, и каковы их причины и следствия.*

Второй принцип – это включение анализа современной российской политики в теоретический и сравнительный контекст политической науки, которая накопила немалый опыт изучения недемократических политических режимов⁴. При всех особенностях политического развития отдельных стран (Россия здесь не исключение) в мире политики существуют общие закономерности. Их знание часто (хотя и не всегда) позволяет дать обоснованные оценки тенденций и выявить перспективы. В этом плане политическая диагностика отчасти сродни диагностике медицинской: знания о причинах и симптомах болезней других пациентов могут помочь более эффективному лечению (медицинские метафоры встретятся еще не раз на страницах этой книги).

Третий принцип – это принцип рационального выбора⁵. Я исхожу из того, что *все участники политического процесса – политики, чиновники, бизнесмены, да и обычные граждане – стремятся в политике к максимизации своих выгод и минимизации издержек. Но они часто не могут достичь своих целей из-за того, что обладают не вполне достоверной информацией или воспринимают ее не самым эффективным для себя способом, находясь в плену ошибочных представлений.*

Наконец, четвертый принцип – это отказ от детерминизма, то есть от суждений о заведомой заданности и предопределенности политических процессов. Если Россия ранее никогда не была настоящей демократией, то это не значит, что она не может ею стать. Я полагаю, что мир в целом и мир политики в частности таков, каким делают его те люди, которые принимают (или не принимают) участие в политике. Развитие политических процессов в том или ином

² При подготовке этой книги использованы материалы моих предшествующих работ, прежде всего, книги: Гельман В. Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. – СПб.: БХВ-Петербург, 2013; а также книг: Гельман В. «Недостойное правление»: Политика в современной России. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019; Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes, Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2015, и ряда академических и публицистических статей.

³ Критику этих подходов см.: Травин Д. Особый путь России: от Достоевского до Кончаловского. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

⁴ Краткий, но емкий обзор представлен в книге: Голосов Г. Автократия, или одиночество власти. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.

⁵ Подробный обзор см.: Мюллер Д. Общественный выбор III. – М.: ГУ-ВШЭ, Институт «Экономическая школа», 2007.

направлении становится результатом тех действий, которые предпринимают люди (хотя часто последствия этих действий оказываются непредвиденными).

Эта книга устроена следующим образом. В первой главе речь пойдет об основных понятиях и общих подходах. Мы обсудим, что представляют собой политические режимы, в том числе демократия и авторитаризм, почему происходит смена политических режимов, включая переходы к авторитаризму, и как на этом фоне развивались процессы посткоммунистической трансформации в России. В следующей главе я представлю свой взгляд на то, почему у России не получилось стать демократией после распада СССР, что именно (и почему) пошло не так, как хотелось многим политикам и гражданам в начале 1990-х годов. Три дальнейшие главы будут посвящены углубленному анализу политических процессов в России на протяжении каждого из трех постсоветских десятилетий – 1990-х, 2000-х и 2010-х годов, начиная от распада СССР и завершая «общероссийским голосованием» по поправкам в Конституцию, состоявшимся летом 2020 года. Наконец, в заключительной, шестой, главе мы подведем итоги политического развития России за последние три десятилетия, обсудим возможности и ограничения дальнейшей политической эволюции нашей страны.

Книга называется «Авторитарная Россия». Это название отнюдь не означает, что наша страна обречена на авторитаризм навсегда – я не разделяю этот пессимизм, зная, что за последние десятилетия демократиями стали многие прежде авторитарные страны. Это название – парафраз названия другой книги, которая вышла в далеком 1973 году⁶. Она называлась *Authoritarian Brazil*, и на ее страницах коллектив авторов (среди которых был и будущий президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу) обсуждал причины и механизмы авторитарного господства в этой стране. Спустя год после ее выхода в Бразилии начался долгий и драматичный процесс демократизации, а через шестнадцать лет, в 1989 году вышла новая книга с участием тех же авторов, посвященная анализу процессов бразильских демократических преобразований. На контрасте с предыдущей книгой она называлась *Democratizing Brazil*⁷. Я очень надеюсь, что однажды увидит свет и книга под названием «Демократизирующаяся Россия»: мне хотелось бы стать ее автором.

Эта книга стала результатом моей работы в Европейском университете в Санкт-Петербурге и в Университете Хельсинки. Я благодарен коллегам в России и Финляндии, сотрудничество с которыми на протяжении многих лет – наши дискуссии и совместные обсуждения – стали важной частью подготовки книги. Большое спасибо, прежде всего, Вадиму Волкову, Григорию Голосову, Борису Колоницкому, Ивану Курилле, Элле Панеях, Борису Фирсову и Олегу Хархордину в Санкт-Петербурге, Ристо Алапуро, Маркку Кивинену, Маркку Кангаспуро, Маркку Лонкила, Юсси Лассила, Каталин Миклоши и Марине Хмельницкой в Хельсинки. Мои соавторы Хилари Аппель, Маргарита Завадская, Андрей Заостровцев, Андрей Стародубцев и Дмитрий Травин весьма существенно обогатили работу своим интеллектуальным вкладом. Бывшие и нынешние студенты и аспиранты, ныне ставшие успешными исследователями – Алексей Гилев, Кирилл Калинин, Егор Лазарев, Анна Тарасенко, Татьяна Ткачева, Андрей Щербак, Геннадий Яковлев и другие, – стимулировали меня к поиску новых идей.

Ранние версии отдельных глав и разделов книги выходили в научных журналах и изданиях, публиковались в формате колонок в интернет-изданиях, и я благодарен всем тем, кто причастен к их появлению на свет. Отдельное спасибо Анне Гасановой, Анне Корхонен и Татьяне Хрулевой за бесценную организационную помощь. Первые читатели рукописи книги – Сергей Ким, Алексей Победоносцев, Дмитрий Травин и Антон Шириков – внесли важный вклад на заключительном этапе работы над ней. Эта книга никогда не появилась бы на свет без Марины Красавиной, убедившей меня подготовить и выпустить ее в издательстве «Альпина

⁶ Stepan A. (ed.) *Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future*. New Haven: Yale University Press, 1973.

⁷ Stepan A. (ed.) *Democratizing Brazil: Problems of Transition and Consolidation*. New York: Oxford University Press, 1989.

Паблишер», сотрудникам которого я также бесконечно благодарен. Внимательная и дружелюбная редакция Бориса Грозовского заметно улучшила качество текста. Я не смогу назвать всех коллег из разных городов и стран, чьи вопросы, советы, замечания и комментарии помогли мне при подготовке этой книги, но все же особо благодарю Ирину Бусыгину, Александра Либмана, Кирилла Рогова, Константина Сониного, Реджину Смит, Генри Хейла и Гульназ Шарафутдинову. Наконец, моя жена Оксана много лет оказывает самую значимую и неоценимую поддержку, и я остаюсь в неоплатном долгу перед ней.

Нет нужды говорить, что никто из указанных лиц и организаций не несет ответственности за возможные ошибки и неточности в этой книге: вся ответственность за неверные суждения, ошибки и интерпретации лежит исключительно на мне.

Санкт-Петербург – Хельсинки, февраль 2021 года

Глава 1

Строительство авторитаризма

Представим себе, что образованный и весьма интересующийся политикой москвич или петербуржец в конце августа 1991 года погрузился в летаргический сон, с тем чтобы проснуться почти через тридцать лет, в начале 2021 года. Скорее всего, придя в себя и сильно удивившись многочисленным переменам, произошедшим в повседневной жизни (от повсеместного использования мобильных телефонов и обилия импортных автомобилей до наполненных разнообразными товарами супермаркетов), он не сразу смог бы даже узнать страну, сильно изменившую свои границы и название. На смену масштабному экономическому кризису, который поразил СССР в начале 1990-х, к началу 2020-х годов (до поразившей мир пандемии коронавируса) в Россию пришел рост экономики, пусть и не сильно впечатляющий. Обилие этнополитических конфликтов и неконтролируемого криминального насилия на территории тогдашнего СССР сменилось относительной стабильностью ситуации в России. Да и в политическом плане, на первый взгляд, Россия осуществила немалый прогресс по сравнению с СССР.

В начале 2020-х годов Россию возглавляет президент, избранный на всеобщих прямых выборах с участием восьми кандидатов; всеобщим голосованием избираются и главы исполнительной власти в большинстве регионов страны. В стране официально действуют свыше 40 партий, четыре из которых представлены в нижней палате парламента. Доступ к политически значимой информации несоизмеримо шире, чем в последние годы СССР: как с точки зрения набора каналов информации, так и с точки зрения их содержания. Наш герой мог бы без особого труда пользоваться рядом гражданских свобод, провозглашенных еще в конце советского периода российской истории (таких, как свобода передвижения). Если бы он сам и его близкие не принадлежали к определенным религиозным или сексуальным меньшинствам, то, вполне вероятно, он мог бы решить, что ситуация с правами человека в России вполне благополучна. Скорее всего, проснувшись, наш герой даже согласился бы с мнением тех американских специалистов, которые утверждали в 2000-е годы, что Россия вполне может служить примером «нормальной», более-менее демократической страны, преодолевающей со временем многочисленные болезненные патологии своего развития, унаследованные от советского прошлого⁸.

Однако после более пристального и внимательного анализа от взгляда нашего наблюдателя не укрылись бы многочисленные фундаментальные дефекты российского политического режима, формальных и неформальных «правил игры», лежащих в его основании. Он наверняка заметил бы несвободные и несправедливые выборы, сопровождающиеся различными манипуляциями (от отказа в участии ряду кандидатов до откровенных фальсификаций); ставшие рутинной нормой произвол и злоупотребления в использовании государством своих рычагов контроля над компаниями и некоммерческими организациями; репрессии в отношении реальных и воображаемых политических оппонентов властей на фоне провоцируемой ими ненависти к инакомыслию; приближающуюся к нулевой автономии партий, парламента и судов; многочисленные гонения на независимые медиа; наконец, его взгляд оценил бы очень низкое качество государственного управления в России, особенно в сферах верховенства права, контроля коррупции и качества государственного регулирования⁹. Первоначальный оптимизм нашего героя, вероятно, сменился бы скепсисом и заставил бы его сделать вывод: за внешним «фасадом», казалось бы, успешного преодоления трудностей посткоммуни-

⁸ См.: Shleifer A., Treisman D. A Normal Country // Foreign Affairs, 2004, vol. 83, № 2. P. 20–38 (https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=460920).

⁹ Подробнее об этом см.: Гельман В. «Недостойное правление».

стического переходного периода скрываются глубокие изъяны политического устройства России.

В августе 1991 года в результате провала путча, организованного частью тогдашних руководителей советского государства, к власти в России пришли выступавшие под лозунгами свободы и демократии новые политические силы во главе с всенародно избранным президентом Борисом Ельциным. Это событие стало логическим завершением процесса демократизации в СССР. Лидеры путчистов были арестованы, коммунистический режим рухнул, правящая партия, монополизировавшая власть на протяжении семи с лишним десятилетий, оказалась сметена с политической арены, как и многие заметные публичные фигуры прежней поры. Старый политический порядок ушел в прошлое, открывая путь к политической свободе.

Казалось, популярный тезис американского политолога Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» и предстоящем всеобщем торжестве демократии в мире¹⁰ нашел в России тех дней свое безусловное воплощение. *Но открытый путь к свободе не оказался прямой и ровной автострадой. Вступив было на него, Россия на протяжении трех десятилетий то плутала по бездорожью, то сваливалась в кюветы, то наезжала на других водителей и пешеходов, то стремилась во что бы то ни стало вернуться назад в воображаемое прошлое. За три десятилетия наша страна не только не приблизилась к демократии, но и сильно отдалась от ее идеалов, которые многим казались почти достигнутыми в августе 1991 года.*

Немногие участники тогдашних событий могли предвидеть такую траекторию политического развития России. Пережив серию драматических турбулентных событий в 1990-е годы, наша страна обрела некоторые черты стабильности в 2000-е, а в 2010-е и 2020-е годы столкнулась с новыми вызовами и противоречиями, реакция на которые со стороны Кремля была призвана если не полностью предотвратить, то максимально замедлить перемены. В результате нынешнее политическое устройство России сегодня довольно сильно отличается как от политического режима советской эпохи, так и от устойчивых демократий. Противоречивость политических процессов в России отражена и в многочисленных критических оценках международных и отечественных агентств и экспертов, которые, используя различные термины и опираясь на разные методики анализа, сходятся в характеристике сегодняшней российской политики как глубоко недемократической.

Слишком многие общественные ожидания августа 1991 года не воплотились в жизнь. Это дает поводы не только с горечью констатировать, что «большие надежды» относительно недавнего российского прошлого обернулись горькими разочарованиями в политическом настоящем нашей страны и глубокими сомнениями относительно ее будущего. Такое сопоставление ставит и вопросы о логике политических процессов в России последних десятилетий. Почему у России (в отличие от ряда других посткоммунистических стран, будь то Чехия, Эстония, Украина или Монголия) не получилось стать демократией на протяжении последних трех десятилетий? Какие причины обусловили траекторию политического развития России после распада СССР? Как мы дошли до жизни такой? И есть ли шансы, что Россия в обозримом будущем сможет преодолеть нынешние политические тенденции и выйти на путь свободы и демократии, или этот путь закрыт для нее если не навсегда, то на долгие десятилетия?

Поиск ответов на эти вопросы важен для тех российских граждан, которым не безразлично, что происходит в политической жизни их страны. Он важен и для аналитиков и наблюдателей происходящих в России политических процессов, и для тех, кто пытается осмыслить политические процессы в других странах и регионах мира, в том числе там, где отмечаются отчасти схожие антидемократические тенденции. Поиск ответов значим для нас всех и как часть общественной дискуссии, и как предмет научной работы специалистов-политологов.

¹⁰ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Free Press, 1992.

Ответы не могут быть однозначными и единственно правильными – изучение мира политики (не только в России) предполагает наличие разных конкурирующих друг с другом точек зрения. В этой книге я даю свои варианты ответов на некоторые из поставленных мною вопросов. Они опираются на мой профессиональный опыт научных исследований российской политики в теоретической и сравнительной перспективе на протяжении четверти века, а также на исследования и разработки многих отечественных и зарубежных специалистов. В первой главе книги мы прежде всего разберемся с ключевыми понятиями и подходами, на которые будет опираться дальнейший анализ. Затем выделим основные характеристики российского политического режима, обсудим важнейшие параметры его эволюции в 1991–2021 годах и представим логику политических изменений в России, которые будут детально обсуждаться в последующих главах.

О чем будем говорить: Принципы и подходы

Прежде чем начать обсуждение проблем современной российской политики, нам необходимо договориться о принципах и подходах, задающих всю систему координат этой книги и логику представленного в ней анализа. Я имею в виду не только и не столько теоретические постулаты, сколько рабочие понятия и определения. Они позволяют понять, какое конкретно содержание стоит за терминами, которые используются на страницах этой книги (авторы других книг могут вкладывать в те же понятия иные смыслы, и поэтому прийти к иным выводам).

Поскольку в дискуссиях о политике непонимание часто возникает из-за различия в понятиях, которыми пользуются участники дискуссий, для начала следует определиться с тем, что есть политика. В русском языке, в отличие от английского, это слово обычно используется в двух разных значениях: как деятельность, связанная с борьбой за власть (в английском – *politics*), и как набор действий, которые осуществляются в различных сферах управления – например, социальная, внешняя, образовательная политика (в английском – *policy*). В этой книге мы будем говорить о политике как о борьбе за достижение, осуществление и удержание власти (*politics*). Все то, что имеется в виду под словом *policy*, мы будем называть «политическим курсом».

Такое определение влечет за собой следующий вопрос: что такое власть, кто и как ее осуществляет и с какими целями? Обсуждение этих вопросов может увести нас слишком далеко от основного сюжета, поэтому мы воспользуемся популярным определением, которое дал известный политолог Роберт Даль: «А обладает властью над В, если А служит причиной определенного поведения В при условии, что без воздействия со стороны А тот вел бы себя иначе»¹¹. Иными словами, власть понимается как причинно-следственные отношения между теми, кто властвует, и теми, кто подвластен. Эти отношения возникают при наличии у А ресурсов (силы, денег, знаний, статуса) и умения использовать их во благо себе.

Такое определение власти справедливо в отношении и власти школьной учительницы над учениками, и власти монархов над своими подданными. Средства осуществления власти могут включать в себя прямое насилие, убеждение, переговоры и т. д. Главное в этом определении власти, что В подчинится А, а не взбунтуется против него, и не проигнорирует его шаги (иначе власть оборачивается фикцией). Чтобы это условие выполнялось, одного лишь насилия, как правило, недостаточно. Нужно еще, чтобы А обладал авторитетом в глазах В, и тот был бы готов согласиться с его (ее) претензиями на власть¹².

Без такого авторитета невозможно обеспечить минимальный порядок в обществе и исключить острое (а иногда насильственное) противостояние между А и В. Механизм поддержания авторитета в политике принято называть легитимностью. Она основана или на традиции (как в рамках католической церкви, где Папа выступает для католиков главным религиозным авторитетом), или на вере в выдающиеся личные качества политического лидера – харизму (как у некоторых политических лидеров, будь то Ленин или Гитлер), или на формализованных и неформальных «правилах игры» (конституции и законы, с одной стороны, и неписанные, но разделяемые всеми нормы, с другой).

Легитимность, основанную на сочетании формальных и неписанных, но принимаемых всеми норм, Макс Вебер называл рационально-легальной¹³. Эти «правила игры» в основном и

¹¹ Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science, 1957, vol. 2, N3. P. 202–203 (https://fbaum.unc.edu/teaching/articles/Dahl_Power_1957.pdf).

¹² Краткий обзор см.: Марей А. Авторитет, или подчинение без насилия. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

¹³ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–706.

определяют условия легитимности власти в современных обществах, включая Россию. Легитимность означает не то, что подвластные безусловно поддерживают властвующих, но то, что они готовы терпеть их власть, считая ее сохранение более приемлемым вариантом по сравнению с любыми альтернативами¹⁴. Однако легитимность может быть утеряна или подорвана в случае, если альтернативы начнут казаться более привлекательными, нежели статус-кво.

Доля тех, кто претендует на осуществление власти, в любом обществе невелика. Как правило, на принятие значимых решений по ключевым вопросам в каждой стране влияют относительно небольшие группы лиц. Эти группы принято называть элитой¹⁵ (часто выделяют политические, экономические, культурные и другие сегменты элит). Политические элиты (иногда говорят о политическом классе) можно разделить на правящие группы, находящиеся у власти, и контрэлиты, пребывающие в оппозиции. Остальная часть общества – это массы, которые, как правило, оказывают на принятие значимых решений косвенное воздействие, в той мере, в какой элиты вынуждены учитывать их мнение.

Именно различные сегменты элит в основном ведут борьбу за получение, осуществление и удержание власти, используя для достижения этих целей различные средства, ресурсы и стратегии. Таких ключевых игроков во внутренней и международной политике принято называть акторами (с ударением на первый слог). В качестве акторов могут выступать отдельные политики, организации (политические партии и крупные корпорации), зарубежные государства (прежде всего, на международной арене, но иногда и во внутренней политике других стран).

Борьба акторов за власть, которая во многом составляет содержание политики, крайне редко представляет собой «бои без правил», когда акторы ведут борьбу на уничтожение друг друга любыми средствами в отсутствие каких бы то ни было норм. Томас Гоббс, живший во времена английской революции середины XVII века, обозначил такое состояние как «война всех против всех». Чаще всего условия этой борьбы определяются набором формальных и неформальных «правил игры», которые называют институтами. Довольно часто многие неформальные «правила игры» сильно расходятся с формальными, а то и противоречат им. Но это не отменяет главного значения институтов: они предписывают акторам определенные рамки их действий и содержат санкции за нарушения этих правил. Такое понимание институтов, пришедшее из экономической науки¹⁶, отличается от часто используемого в медиа обозначения тех или иных органов власти и управления в качестве «институтов».

Характер политики в различных странах в разные периоды их истории определяется конфигурациями акторов и институтов. Сочетание этих параметров обозначают понятием политический режим. Различия между политическими режимами отчасти схожи с различиями между игровыми видами спорта: в каждом из них целью игроков является победа над противниками, однако конфигурации как игроков, так и правил игры, согласно которым они стремятся достичь этой цели, довольно сильно различаются от одного вида спорта к другому. Можно сравнить, например, теннис и шахматы, обнаружив различия между ресурсами и стратегиями игроков, и санкциями за нарушение правил игры.

Конечно, политические режимы (как и виды спорта) не являются играми, правила которых раз и навсегда заданы. Они меняются со временем, как и правила, по которым проводятся спортивные соревнования. Изменения политических режимов могут быть эволюционными и

¹⁴ Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978. P. 17–18.

¹⁵ Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2006.

¹⁶ См., в частности: North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; Грейф А. Институты и путь к современной экономике (уроки средневековой торговли). – М.: Издательский дом ВШЭ, 2013; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2016.

плавными, а могут носить «взрывной», или революционный, характер. Продолжая сравнение со спортом, можно представить себе шахматистов, которые вместо передвижения фигур по доске стали бы дубасить друг друга по головам шахматными досками, отказавшись от игры в шахматы. Стабильность политических режимов во времени характеризует устойчивость их равновесия, которую называют консолидацией. Консолидированные режимы, как правило, не могут внезапно исчезнуть или трансформироваться сами собой, и изменение конфигурации их акторов и/или институтов, если и когда оно происходит, обычно не ведет к смене режимов.

Со времен Аристотеля политологи описывали и анализировали большое количество разных типологий политических режимов. Чтобы не обсуждать их подробно на страницах этой книги, проще всего воспользоваться самым простым разделением режимов на демократические и недемократические (их синоним – понятие «авторитарные»). Демократический режим (или демократия), как ее понимал Йозеф Шумпетер, – это набор институтов, который предполагает, что осуществление власти происходит в результате конкурентной борьбы элит за голоса избирателей в рамках свободных и справедливых выборов¹⁷. Такое определение демократии, которое иногда обозначают как электоральную демократию, представляет собой заведомое и довольно сильное упрощение. Реальная практика современной демократии намного сложнее: как правило, она также предполагает, помимо конкурентных выборов, наличие многих других элементов.

Конкурентные выборы – необходимое, но не достаточное условие для обеспечения демократии. Не бывает демократии без равноправной конкуренции элит на выборах. Именно здесь проходит красная линия, которая отделяет демократии от недемократических режимов. Электоральная демократия – это такой режим, где политики и партии могут терять власть в результате поражения на выборах¹⁸. Оговорка «могут терять власть» важна: не всегда власть по итогам выборов на самом деле теряется. В некоторых демократиях неудачно выступившие на выборах партии могут входить в состав правительственных коалиций на правах младших партнеров. Есть и примеры демократий, где одна партия находилась у власти десятилетиями. Так, в Японии Либерально-демократическая партия удерживала господство в течение 38 лет, но и она уступила власть после поражения на выборах.

Политическая конкуренция, составляющая основу электоральной демократии, создает основы реализации политических свобод, присущих современным развитым демократиям (их часто называют либеральными демократиями): свободы слова, свободы ассоциаций (создания политических и неполитических организаций). Политическая конкуренция важна и тем, что она вынуждает правящие группы к подотчетности своим согражданам¹⁹: голосование избирателей служит основным, но далеко не единственным механизмом подотчетности.

Современные политические режимы, не попадающие под определение электоральных демократий, мы будем далее называть авторитарными (или автократиями)²⁰. Здесь, однако, необходимы две важные оговорки. Во-первых, в качестве синонима понятия «авторитаризм» иногда используется понятие «диктатура», противопоставляемое «демократии»²¹. Но в русском языке понятие «диктатура» обычно связывается с репрессиями и массовым насилием, и поэтому мы в дальнейшем постараемся к нему не обращаться. ***В современном мире отнюдь не***

¹⁷ Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 355.

¹⁸ Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 10.

¹⁹ См.: Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003.

²⁰ См.: Голосов Г. Автократия, или одиночество власти.

²¹ Достаточно вспомнить заголовки двух авторитетных научных книг: Мур Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016; Асемоглу Д. (Аджемоглу Д.), Робинсон Дж. Экономические истоки диктатуры и демократии. 3-е изд. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.

все авторитарные режимы опираются на «кнут» как на основной инструмент господства. Многие из них стремятся использовать в качестве средства поддержания лояльности своих сограждан прежде всего «пряники» (российский политический режим, как будет показано далее, не являлся исключением).

Во-вторых, по разным причинам часть специалистов до недавнего времени была склонна называть «гибридными» те авторитарные режимы, которые не прибегают к массовым репрессиям, используя при этом в своих целях и некоторые институты, присущие демократиям (прежде всего это выборы из нескольких партий и кандидатов, но не только они). Некоторые из этих режимов внешне могут напоминать демократии, и их лидеры сознательно стремятся достичь такого сходства. Как следует из примера с проспавшим три десятилетия россиянином, к такого рода режимам относится и российский. Однако это внешнее сходство не должно никого обманывать: таким режимам не присуща смена власти в результате конкурентных выборов, и поэтому термин «гибридный режим» по отношению к ним избыточен: он способен лишь ввести читателей в заблуждение. Потому в этой книге он не используется.

Мир авторитарных режимов отличается большим разнообразием (ничуть не меньшим, и даже большим, нежели мир демократий). Им присущи разные конфигурации акторов и институтов («правил игры»). Ряд специалистов выделяют²² традиционные монархии (как в Саудовской Аравии), военные диктатуры (как в ряде стран Латинской Америки в 1960–1980-е годы), однопартийные режимы, в том числе и коммунистические (как в Советском Союзе и странах Восточной Европы до 1989–1991 года), и, наконец, персоналистские автократии, где власть сосредоточена в руках лидера и его окружения²³.

Авторитарные режимы могут опираться на совершенно разные механизмы поддержания своей легитимности. Если для монархий характерна традиционная легитимность, то большинство автократий вынуждено искать способы обеспечения рационально-легальной легитимности. Некоторые авторитарные режимы носят «гегемонный» характер²⁴: они не проводят выборов вообще, или (чаще) эти выборы носят фиктивный характер и представляют собой «выборы без выбора», то есть голосование без альтернатив (как в Советском Союзе до 1989 года).

В последние десятилетия все большее распространение в мире (в том числе и в постсоветских странах)²⁵ получают авторитарные режимы, которые обозначают как электоральный авторитаризм. В таких режимах – их примерами могут служить Мексика с 1930-х до 1990-х годов или Египет времен правления Хосни Мубарака – институт выборов имеет вполне реальное значение, и к участию в них допускаются различные партии и кандидаты. Однако формальные и неформальные механизмы этих выборов призваны не допустить по их итогам смену власти. Высокие входные барьеры для участия нежелательных партий и кандидатов, заведомо неравный доступ участников кампаний к финансам и СМИ, систематическое использование государственного аппарата для увеличения количества голосов, поданных за правящие партии и кандидатов, наконец, злоупотребления в их пользу на всех стадиях выборов, в том числе при подсчете голосов – вот лишь некоторые элементы авторитарного «меню манипуляций»²⁶.

²² Geddes B., Wright J., Frantz E. *How Dictatorships Work: Power, Personalization, and Collapse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

²³ Хотя в современном русском языке все чаще используется гендерно нейтральное обозначение «он/она», по отношению к авторитарным лидерам принято говорить исключительно «он», поскольку в современном мире среди лидеров авторитарных режимов женщин нет.

²⁴ Howard M.M., Roessler P. *Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes* // *American Journal of Political Science*, 2006, vol. 50, № 2. P. 365–381.

²⁵ Hale H. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Way L. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2015.

²⁶ Schedler A. *Elections without Democracy: The Menu of Manipulations* // *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, № 2. P. 36–50.

Заведомо неравные «правила игры», которые призваны обеспечить победу носителей действующей власти и/или их сторонников и ставленников (их принято называть «инкумбентами») независимо от предпочтений избирателей²⁷, в первую очередь отличают электоральный авторитаризм от электоральных демократий. «Гегемонный» авторитаризм уступает место электоральному из-за того, что правящие группы этих режимов нуждаются в проведении выборов как средстве собственной легитимации внутри страны и за ее пределами: в противном случае само существование этих режимов может оказаться под угрозой. Однако нечестные выборы – это обоюдоострое оружие, и порой они могут повлечь за собой острый кризис легитимности электоральных авторитарных режимов, о чем свидетельствуют последствия президентских выборов 2020 года в Беларуси.

Основанием электоральной демократии служит политическая конкуренция. Напротив, авторитарные режимы предполагают монополию правящих групп на осуществление власти. Точнее, им присуща скрытая конкуренция между различными сегментами правящей группы, которая не предполагает их открытой борьбы за голоса избирателей. Лидеры, стоящие во главе авторитарных режимов, стремятся монополизировать свое политическое господство (порой их называют доминирующими акторами), но на деле они не осуществляют власть единолично. Для удержания власти им приходится опираться на поддержку хотя бы части правящих групп (подчиненных акторов) и создавать формальные и неформальные «выигрышные коалиции»²⁸ с их участием.

В «выигрышные коалиции» авторитарные лидеры стремятся включить наиболее значимые сегменты элит, от которых зависит устойчивость режимов. Если их состав слишком узок, то режим оказывается под угрозой внутренних конфликтов (так, многие авторитарные режимы становятся жертвами военных или государственных переворотов). Поддержание единства элит и сохранение среди них консенсуса (добровольного или навязанного) требует от авторитарных лидеров искусства маневрирования. Они вынуждены применять по отношению к элитам не только «кнут» репрессий, но и «пряник», чтобы минимизировать риски потери власти. Подчиненные акторы, которые входят в состав выигрышных коалиций, получают статус и богатство в обмен на лояльность режиму.

Риски для авторитарных режимов исходят не столько от масс, восстание которых грозит положить им конец, сколько от части элит, которые могут прибегнуть к военным путчам или дворцовым переворотам для смены власти. По данным Милана Своллика, внутриэлитные конфликты привели к краху авторитарных режимов в почти 70 % случаев после Второй мировой войны²⁹. Поскольку в условиях персоналистской автократии понятие «режим» ни фактически, ни аналитически невозможно отделить от «правящих групп» или лидеров таких режимов, далее все эти понятия будут использоваться как взаимозаменяемые термины.

Смена политических режимов происходит вследствие изменений или конфигурации акторов, или конфигурации институтов, или (чаще всего) и того и другого одновременно. В конце XX века одной из основных тенденций мирового политического развития стал крах многих авторитарных режимов, включая коммунистические и военные. Многие из них, в особенности в Латинской Америке и Восточной Европе, перешли к демократии: этот процесс принято обозначать как демократизацию³⁰. Эти тенденции, в свою очередь, выступали важней-

²⁷ Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Schedler A. The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism. Oxford: Oxford University Press, 2013.

²⁸ Bueno de Mesquita B., Smith A. Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics. New York: Public Affairs, 2011.

²⁹ Svoblik M. The Politics of Authoritarian Rule. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

³⁰ Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: University of Oklahoma Press,

шим элементом процесса модернизации – перехода различных стран к современным моделям устройства общества, предполагающим заимствование или создание базовых институтов по западному образцу³¹. Политическая модернизация, которая лежит в основе становления демократий, – важнейшая (хотя далеко не единственная) часть этого процесса.

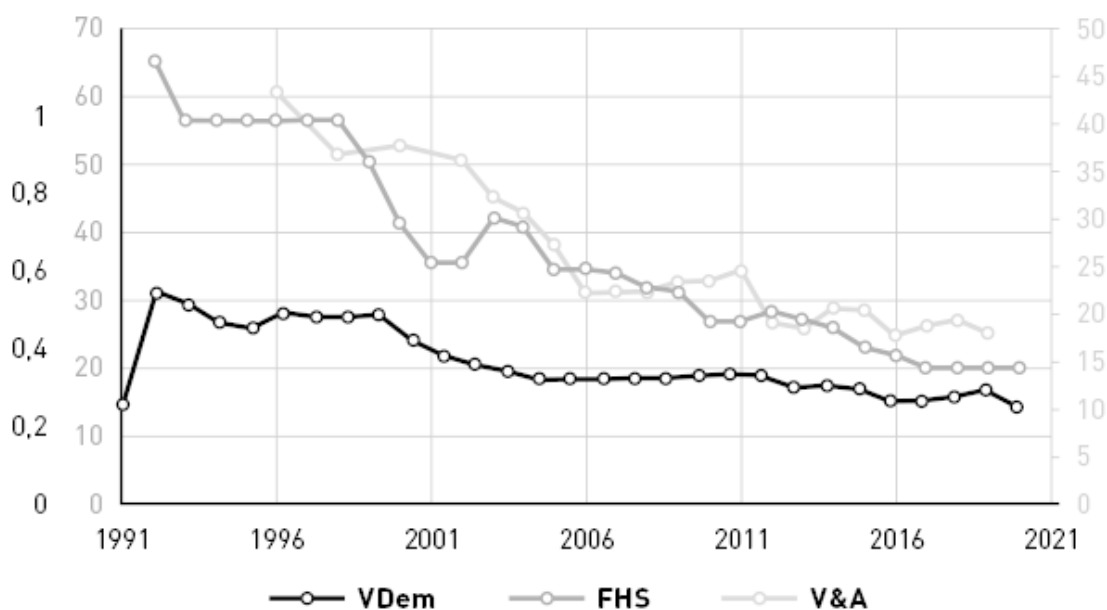
Однако переход к демократии отнюдь не имел всеобщий и универсальный характер. Напротив, в ряде стран мира под лозунгами демократизации произошла смена одних авторитарных режимов другими. Собственно, многие электоральные авторитарные режимы в последние десятилетия как раз и возникли там, где провалилась демократизация (Россия выступает одним из примеров такого рода).

Откуда мы знаем, что политический режим в той или иной стране является демократическим или авторитарным? Конечно, если речь идет о таких странах – соседках России – как, скажем, Финляндия, с одной стороны, и Северная Корея, с другой, – то ответ кажется очевидным. Но во многих других случаях повседневного знания оказывается недостаточно, и приходится обращаться к оценкам различных международных агентств. Большинство из них прямо или косвенно используют суждения экспертов, знание которых по определению неполно и может исходить из неоправданных ожиданий, особенно в отношении текущей ситуации. Но на более или менее длительном временном интервале оценки экспертов меньше подвержены ошибкам, чем повседневное знание, и не слишком расходятся между собой. Для сравнения можно посмотреть на графики, демонстрирующие динамику эволюции политического режима в России по данным Всемирного банка (проект Worldwide Governance Indicators, включающий раздел Voice and Accountability), Института V-Dem Университета Гетеборга и проекта Freedom in the World, осуществляемого Freedom House.

1991.

³¹ Данное определение см.: Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социологические исследования, 1998, № 8. – С. 18 (<http://ecsocman.hse.ru/data/341/881/1216/002.ZAPF.pdf>). Подробный обзор см.: Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2-х т. – М.: АСТ, Terra Fantastica, 2004. Критику см.: Заостровцев А. Полемика о модернизации: Общая дорога или особые пути? – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

График 1. Политический режим в России, 1991–2020, международные оценки

VDem — Electoral Democracy Index (индекс электоральной демократии института V-Dem, шкала от 0 до 1)

FHS — Freedom House total score* (интегральный индекс свобод Freedom House, шкала от 0 до 100)

V&A — WGI Voice&Accountability Index (индекс Voice and Accountability Всемирного банка, шкала от 0 до 100)

* Данные до 2003 года пересчитаны на основе соответствующих значений индексов Political rights (1–7) и Civil liberties (1–7) и приведены к 100-балльной шкале.

Источники: Freedom in the World Comparative and Historical Data: Aggregate Category and Subcategory Scores, 2003–2020 (<https://freedomhouse.org/report/freedom-world>);

Varieties of Democracy, Country-Year: V-Dem Core dataset (<https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/>);

Worldwide Governance Indicators full dataset (<https://info.worldbank.org/governance/wgi/>).

Как видно из оценок, представленных на графиках, за три десятилетия наша страна продемонстрировала траекторию перехода к авторитаризму, который со временем лишь усугубляется. Но прежде, чем обсудить вопрос о том, почему и как произошел этот переход, каковы его закономерности и механизмы, следует задаться другим, более фундаментальным вопросом. В самом деле, насколько важен политический режим для развития обществ? Имеет ли демократия значение? Насколько вообще нужны и для чего именно демократия, демократизация и связанные с ними политические свободы? Этот вопрос важен в том числе для понимания значения авторитаризма и перспектив его возможной трансформации как в России, так и в других странах. Так ли необходима для России демократизация? Возможно, нашей стране пока стоит обойтись без нее, отложив обретение согражданами политических свобод до лучших времен?

Демократия имеет значение... Но какое?

Дискуссии о том, в какой мере демократия полезна или вредна для общества, идут со времен античности, но вряд ли исчерпают себя в обозримом будущем. Демократия сама по себе содержит противоречие между механизмом отбора правителей и результатами их правления, которые могут быть как успешными, так и неудачными. Критики демократии справедливо указывают на то, что механизм конкурентных выборов не всегда позволяет гражданам выбрать наиболее достойных и эффективных руководителей: граждане в лучшем случае склонны выбирать себе подобных, а в худшем – готовы доверить государственное управление некомпетентным демагогам, подобным Дональду Трампу, избранному в 2016 году на пост президента США. Более того, демократия предполагает ограниченный во времени срок правления, что не всегда позволяет проводить в жизнь политический курс, ставящий долгосрочные цели, и часто способствует проведению неэффективных мер, имеющих целью поднять шансы находящихся у власти политиков или партий в преддверии очередных выборов (логика политического бизнес-цикла)³².

Весьма популярно мнение о том, что мудрый и справедливый авторитарный лидер (будь то монарх или руководитель партии) способен обеспечить своим согражданам процветание на долгие десятилетия вперед с большей вероятностью, нежели демократически избранные политики, заботящиеся прежде всего о сохранении власти «здесь и теперь», по итогам ближайших выборов. Однако в ответ защитники демократии вполне аргументированно утверждают, что оптимальное политическое устройство общества должно не обеспечить приход к власти самых лучших политиков, а предотвратить ее монополизацию худшими из них³³. Авторитарные режимы по определению не защищены от этих рисков: многим из них (особенно персоналистским автократиям) не присуща «защита от дурака».

Многочисленные исследования не дают оснований вынести окончательный вердикт в пользу сторонников или критиков демократии с точки зрения результатов правления. Если оценивать эти результаты в категориях темпов экономического роста (как делают многие специалисты), то их средние показатели по странам мира во второй половине XX века не слишком различались среди демократий и автократий: здесь более важную роль играли иные параметры, не связанные напрямую с характеристиками политических режимов.

Однако разброс показателей экономического роста среди демократий оказался куда ниже, чем среди авторитарных режимов, а долгосрочные тенденции роста в целом также оказываются в пользу демократий³⁴. В социально-экономическом плане демократии, как правило, развивались не слишком быстро, но относительно устойчиво, в то время как среди авторитарных режимов немногочисленные, но яркие «истории успеха» отмечались на фоне гораздо чаще встречавшихся неудач. Как выразился в связи с этим экономист Дани Родрик, «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго-Заире»³⁵.

³² Nordhaus W.D. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies, 1975, vol. 42, № 2. P. 169–190 (<https://cowles.yale.edu/sites/default/files/files/pub/d03/d0333.pdf>).

³³ Детальный разбор этих и других аргументов см.: Даль Р. Ук. соч.

³⁴ См.: Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. Дискуссии ведущих экономистов о взаимосвязи между демократией и экономическим ростом – см., например: Barro R.J. Democracy and Growth // Journal of Economic Growth, 1996, vol. 1, № 1. P. 1–27 (<http://faculty.nps.edu/relooney/BarroDemocracy.pdf>); Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J. Democracy Does Cause Growth // Journal of Political Economy, 2019, vol. 127, № 1. P. 47–100 (<https://economics.mit.edu/files/16686>).

³⁵ Rodrik D. The Myth of Authoritarian Growth // Project Syndicate, 2010, 9 August (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>).

Среди современных автократий очень много примеров коррумпированных и неэффективных лидеров, длительное пребывание у власти которых приводит их страны к полному и порой непреодолимому упадку. Демократии же благодаря конкурентным выборам чаще склонны избавляться от таких руководителей. Среди посткоммунистических стран более успешная демократизация, как правило, сопровождала более успешному экономическому развитию, хотя ответ на вопрос о том, что служило причиной, а что следствием, в данном случае совсем не очевиден³⁶.

Вопреки мантрам о «стабильности», якобы присущей авторитарным режимам, срок жизни большинства персоналистских автократий обычно не превышает срок пребывания у власти их лидеров (в современном мире в среднем – редко больше двух десятилетий). В отличие от ряда династических монархий, автократам очень редко удается без потрясений передать власть своим потомкам, а тем – удержать ее³⁷. Смена лидеров в авторитарных режимах редко обходится без потрясений, даже если и когда на смену одним автократам приходят другие³⁸. Но и демократии далеко не всегда способны успешно справиться с нестабильностью, присущей им по определению. В XX и в XXI веках им были присущи и кризисы, и даже крушения³⁹.

Особенно чувствительны к таким кризисам «новые» демократии, где демократические режимы не стали консолидированными и могут так и не достичь консолидации в обозримом будущем. Такая нестабильность не удивительна: согласно китайской поговорке, жить в эпоху перемен – это наказание. Усвоение новыми акторами новых «правил игры» редко проходит безболезненно, поэтому демократизация в ряде стран может сопровождаться острыми конфликтами, и иногда ей сопутствуют массовое насилие и упадок правопорядка, а то и авторитарные «откаты», которые сопровождаются попытками создания новых недемократических «правил игры»⁴⁰. Проблемы такого рода оказались характерны для многих посткоммунистических стран, где смена политического режима в начале 1990-х годов сопровождалась рыночными экономическими преобразованиями и реформой государственного устройства. Но есть ли реалистическая альтернатива такому развитию событий?

Демократию как нормативный идеал в современном мире критикуют нечасто: не так легко предложить какой-то иной, более привлекательный способ политического устройства. Более того, критика демократии обычно исходит не со стороны ее идейных противников, а со стороны тех, кто считает электоральную демократию недостаточным механизмом соблюдения прав граждан, настаивая на их более активном вовлечении в политику не только в ходе голосований⁴¹.

Совершенно иначе обстоит дело с демократизацией. Многие ее критики утверждают, что этот процесс необходимо максимально отсрочить и растянуть по времени. Поскольку общество не готово к быстрому переходу к демократии, этот процесс может привести к упадку верховенства права, конфликтам и насилию. Поэтому сперва, считают критики, следует достичь

³⁶ Fish M.S. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World // East European Politics and Societies, 1998, vol. 12, № 1. P. 31–78; Bunce V. Democratization and Economic Reform // Annual Review of Political Science, 2001, vol. 4, 43–65 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.4.1.43>).

³⁷ Brownlee J. Hereditary Succession in Modern Autocracies // World Politics, 2007, vol. 59, N4, P. 595–628 (https://www.researchgate.net/publication/231753856_Hereditary_Succession_in_Modern_Autocracies).

³⁸ Kendall-Taylor A., Frantz E. When Dictators Die // Journal of Democracy, 2016, vol. 27, № 4. P. 159–171. См. также: <https://foreignpolicy.com/2015/09/10/when-dictators-die/>.

³⁹ Linz J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown, and Reequilibration; Levitsky S., Ziblatt D. How Democracies Die. New York: Crown, 2018.

⁴⁰ См. дискуссию политологов-компаративистов: Lurmann A., Lindberg S. A Third Wave of Autocratization is Here: What is New About It? // Democratization, 2019, vol. 26, № 7. P. 1095–1113 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2019.1582029>); Skaaning S.-E. Waves of Autocratization and Democratization: A Critical Note // Democratization, 2020, vol. 27, № 8, P. 1533–1542 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13510347.2020.1799194>).

⁴¹ См.: Хархордин О. Республика, или Дело публики. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.

высокого уровня экономического развития, потом создать успешно работающие эффективные «правила игры», и лишь затем шаг за шагом, на протяжении долгих десятилетий, расширять пространство политической конкуренции⁴².

Теоретически этот аргумент выглядит вполне осмысленным. Но на практике очень немногим авторитарным режимам удается создать такие устойчивые и эффективные институты, которые переживают их создателей. Поэтому при всех опасностях и рисках, присущих демократизации, нет оснований считать ее большим злом для самых разных обществ, чем подавляющее большинство автократий. Другое дело, что не стоит впадать в иную крайность и излишне очаровываться демократизацией, считая ее чудодейственной волшебной палочкой, способной излечить страны от многочисленных патологий, присущих автократиям.

Демократия отнюдь не гарантирует гражданам, что они станут жить лучше. Демократия всего лишь позволяет снизить риски того, что в условиях автократии они будут страдать от произвола коррумпированных правителей, нарушающих их права, не имея при этом возможностей для мирной смены власти. В этом смысле демократия выступает как эквивалент медицинской страховки: она снижает риски того, что пациент может пасть жертвой тяжелых заболеваний, хотя сама по себе страховка и не гарантирует оптимального лечения.

Смена политического режима, предполагающая возможный (но отнюдь не гарантированный) переход к демократии, – это достаточно сложный и весьма болезненный процесс, порой занимающий долгие десятилетия. Проблемы и риски, связанные со сменой политических режимов, достаточно серьезны и связаны не столько с демократизацией как таковой, сколько с тем, что построение демократии – это лишь один из возможных исходов этого процесса, причем далеко не обязательный. По данным Барбары Геддес и ее соавторов, в 70 % случаев крушения автократий после Второй мировой войны результатом становилась не демократизация, а смена одних авторитарных режимов другими⁴³. В конце XX века многие специалисты (в том числе и те, кто изучал смену режимов в посткоммунистических странах) были склонны уделять гораздо больше внимания «историям успеха» демократизации и реже занимались изучением причин ее провала и/или достижения частичных и неустойчивых результатов.

Анализ демократизации рядом специалистов скорее напоминал сюжет голливудского фильма, в котором «хорошие парни» (сторонники демократии) противостояли «плохим парням» (врагам демократии)⁴⁴. Итогом такого противостояния почти неизбежно должен был стать хеппи-энд. Однако по мере того, как Большие Надежды посткоммунистической демократизации начала 1990-х годов в ряде стран сменились скептицизмом в 2000-е годы и горькими разочарованиями в 2010-е, логика противостояния сил добра и зла при анализе смены режимов оказалась исчерпанной.

Когда демократизация в ряде стран (в том числе в постсоветских – таких как Азербайджан или Беларусь) оказалась повернута вспять и обернулась провалом, голливудский хеппи-энд сменился иным аналитическим подходом, который напоминал фильм-нуар⁴⁵, или, говоря по-русски, чернуху. Согласно этой точке зрения, в мировой политике и в особенности в постсоветских странах доминируют одни «плохие парни», которые не приемлют демократию и всячески стараются ей противостоять: то ли в силу своего коммунистического прошлого, то ли

⁴² См.: Полтерович В., Попов В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность, 2007, № 2. С. 13–27 (<http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/01/1214824190/Polterovich.pdf>); критику этого подхода см.: Carothers T. How Democracies Emerge: The Sequencing Fallacy // Journal of Democracy, 2007, vol. 18, № 1. P. 12–27 (<https://gsdrc.org/document-library/how-democracies-emerge-the-sequencing-fallacy/>).

⁴³ См.: Geddes, Wright, Frantz. Op. cit.

⁴⁴ O'Donnell G., Schmitter P. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986.

⁴⁵ Gel'man V. Bringing Actors Back In: Political Choices and Sources of Post-Soviet Regime Dynamics // Post-Soviet Affairs, 2018, vol. 34, № 5. P. 282–296.

из-за связи со спецслужбами, то ли по причинам идейного неприятия, то ли из-за личных или групповых интересов.

Эти процессы в посткоммунистическом мире совпали во времени с ростом разочарования избирателей в политическом устройстве и в ряде устойчивых демократий. Это привело на политическую авансцену популистских политиков, подобных Дональду Трампу в США. Таким образом, строительство авторитаризма в посткоммунистическом мире может рассматриваться и как часть глобального «авторитарного отката», который способен повлечь за собой упадок и крах демократии в мире⁴⁶.

Моя точка зрения на процессы смены режимов в современном мире и в современной России далека как от голливудского оптимизма, так и от сценария фильма-чернухи. Не стоит полагать, что провал демократизации в России произошел лишь в результате действий таких «плохих парней», как Борис Ельцин или Владимир Путин. И дело не в том, что эти «плохие парни» не хуже (но и не лучше) многих демократических политиков в других странах. *Демократизация вообще происходит не в силу добрых намерений «хороших парней». И в политике, и в повседневной жизни большинство «парней», как правило, не являются однозначно «хорошими» или «плохими». Их действия в ходе изменений политических режимов продиктованы их собственными идеями и/или интересами*, которые могут меняться со временем под воздействием различных факторов. А интересы политических акторов, как мы знаем из предисловия к этой книге, состоят, прежде всего, в максимизации их собственной власти.

Да, иногда эти интересы включают в себя и содействие становлению политической конкуренции, и выработку «правил игры», которые эту конкуренцию поддерживают, но такое происходит далеко не всегда. Вместе с тем политики не всегда способны создавать и менять институты исключительно по своей воле. Чаще всего они сталкиваются с теми ограничениями, которые накладывают на них другие акторы (внутриполитические и международные), и с объективно существующими ограничениями – такими как констелляция экономических ресурсов, инерция предшествующего социально-экономического развития, география и демография соответствующих стран. Эти ограничения принято называть структурными – изменить их в краткосрочной перспективе не под силу никому. Однако в рамках структурных ограничений у акторов в ходе смены политических режимов остается достаточно широкий коридор возможностей.

Акторы (как и обычные граждане, далекие от политики) далеко не всегда способны предугадать последствия своих шагов, и их действия часто приводят к непреднамеренным последствиям, в том числе с точки зрения изменений политических режимов⁴⁷. Они возникают в силу неопределенности, характерной для многих стран, где речь идет о ситуации стратегического выбора акторами тех или иных ключевых решений. Например, какому варианту новой конституции стоит отдать предпочтение? По каким правилам проводить выборы? Или отказаться от их проведения из-за рисков потери власти? За кого из кандидатов стоит голосовать? Следует ли, несмотря на риски, выходить на протестные акции против произвола властей?

Каждый раз изменения режима в том или ином направлении сильно зависят от шагов, предпринятых в определенные «критические моменты» истории. Интересы акторов в такие моменты могут оказаться неочевидными, и огромную роль здесь играют идеи (представления о должном и сущем в мире политики), а также восприятие акторами текущей ситуации сквозь призму этих идей. Также рамки коридора возможностей в каждый следующий «критический

⁴⁶ Bermeo N. On Democratic Backsliding // Journal of Democracy, 2016, vol. 27, № 1. P. 5–19 (<https://sites.unimi.it/carbone/wp-content/uploads/2018/04/Democratic-backsliding-Bermeo-JOD-2016.pdf>).

⁴⁷ Treisman D. Democratization by Mistake: How the Errors of Autocrats Trigger Transitions to Freer Government // American Political Science Review, 2020, vol. 114, № 3. P. 792–810 (<https://www.danieltreisman.org/s/Democracy-by-Mistake-final-mar-30-2020-with-figs.pdf>).

момент» определяются решениями, принятыми акторами ранее⁴⁸: такую причинно-следственную цепочку принято называть зависимостью от предшествующего пути⁴⁹. Эта зависимость означает, что если в прошлом та или иная страна выбрала путь, ведущий в тупик, то сойти с него удастся далеко не всегда, и издержки на этом долгом, трудном и извилистом пути часто оказываются весьма велики. Анализ динамики политического режима в современной России с точки зрения его траекторий, различных развилок и тупиков составляет последующее содержание этой книги.

⁴⁸ Capoccia G., Kelemen R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // World Politics, 2007, vol. 59, № 3. P. 341–369 (https://www.researchgate.net/publication/242426654_The_Study_of_Critical_Junctures_Theory_Narrative_and_Counterfactuals_in_Historical_Institutionalism).

⁴⁹ См.: Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society, 2000, vol. 29, № 4. P. 507–548 (<http://webarchiv.ethz.ch/soms/teaching/OppFall09/MahoneyPathDependence.pdf>).

Российская политическая динамика: 1991–2021

Наверное, лучшее описание динамики постсоветского политического режима в России увидело свет еще в 1954 году – его автором был не политолог, а писатель. Роман «Повелитель мух» нобелевского лауреата Уильяма Голдинга стоит воспринимать как классическую модель построения авторитарного режима на примере группы подростков, оказавшихся на необитаемом острове⁵⁰. По сюжету Голдинга, динамика политического режима на этом острове прошла через следующие этапы: (1) неудачную попытку построить электоральную демократию; (2) неудачную попытку неформального раздела власти между наиболее влиятельными игроками (олигархию); (3) захват власти самым наглым подростком, который изгнал из общины своих соперников, перетасовал «выигрышную коалицию» своих сторонников и установил (4) репрессивную тиранию, обернувшуюся новой катастрофой.

В романе конец этой траектории положило вмешательство внешних акторов – прибывших на остров военных моряков, но в реальной жизни катастрофа могла бы длиться буквально до бесконечности. Следует, однако, признать, что герои Голдинга не были обречены на тиранию в силу изначально неблагоприятных структурных ограничений: это обычные подростки, предоставленные сами себе. Для политологов главный урок «Повелителя мух» заключается в том, что авторитаризм – естественный логический результат действий успешных и наглых политиков по максимизации власти, если для их устремлений не существует эффективных ограничений. Именно такой путь политического развития прошла постсоветская Россия, как и некоторые другие страны.

Действительно, за тридцать лет после распада СССР Россия проделала путь от одного консолидированного авторитарного режима к другому – от коммунистического однопартийного режима, который господствовал в стране на протяжении 70 лет⁵¹, до персоналистского электорального авторитаризма, который достиг стадии своей консолидации в ходе президентства Владимира Путина. Эта траектория стала следствием сочетания двух групп параметров – структурных ограничений и действий политических акторов.

Структурные ограничения, с которыми столкнулась Россия после распада СССР, оказались достаточно серьезными. Масштаб экономических и социальных проблем, стоявших перед самой крупной из республик бывшего Советского Союза, был исключительно велик (гораздо более значителен, чем у стран Восточной Европы), и «наследие» прежних десятилетий оказывало очень сильное влияние на процесс преобразований⁵². Неудивительно поэтому, что *посткоммунистическая Россия так и не смогла справиться с «дилеммой одновременноности» – необходимостью одновременно решать задачи демократизации, рыночных реформ и смены национально-государственного устройства страны*⁵³. Россия была не единственной посткоммунистической страной, где «дилемма одновременности» была решена не в пользу демократизации: например, в Сербии в ходе распада Югославии режим Слободана Милоше-

⁵⁰ Впервые эту параллель провел Сэмюэл Хантингтон. См.: Huntington S.P. Political Development and Political Decay // World Politics. 1965, vol. 17, № 3. P. 416.

⁵¹ О причинах и механизмах краха советской системы см., в частности: Гайдар Е. Гибель империи: Уроки для современной России. – М.: РОССПЭН, 2006; Коткин С. Предотвращенный Армагеддон: Распад Советского Союза, 1970–2000. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.

⁵² Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

⁵³ См.: Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research, 1991, vol. 58, № 4. P. 865–892 (https://www.researchgate.net/publication/283560322_Capitalism_by_Democratic_Design_Democratic_Theory_Facing_the_Triple_Transition_in_East_Central_Europe); Przeworski A. Op. cit., Chapter 4. (https://www.researchgate.net/publication/274857109_Democracy_and_the_Market_Political_and_Economic_Reforms_in_Eastern_Europe_and_Latin_America).

вича вовлек страну в серию насильственных конфликтов. Но если та же Сербия после серии поражений избавилась от агрессивного лидера в 2000 году и смогла построить электоральную демократию, то Россия стала продвигаться в прямо противоположном направлении.

В конечном итоге демократизация, как будет показано в главе 3, оказалась принесена в жертву решению двух других задач посткоммунистической трансформации. Когда же рыночные реформы в экономике и преобразование государства были осуществлены (с огромными издержками и, мягко говоря, далеко не самым оптимальным образом)⁵⁴, то «коридор возможностей» для демократизации оказался сужен. Он лишь сужался и дальше, поскольку и идеи, и интересы политических акторов отнюдь не способствовали демократизации России. Подобно Собчаку, беседа с которым описана мною в предисловии к этой книге, они стремились к максимизации собственной власти, и демократия для них служила лишь препятствием на пути к этой цели.

После крушения авторитарных режимов демократия не устанавливается сама собой, «по умолчанию». Она является результатом целенаправленных усилий по ее строительству. Есть страны, где приходящие к власти в ходе смены режимов новые правящие группы вынуждены устанавливать демократические «правила игры» не только и не столько из-за того, что они являются «хорошими парнями». Причинами их выбора в пользу демократизации могут стать необходимость мирного разрешения острых политических и/или социальных конфликтов, международное влияние, и/или воздействие идейных ориентаций лидеров и элит. Для посткоммунистической России не было характерно ни одно из этих условий.

Политические конфликты 1990-х годов были разрешены по принципу «игры с нулевой суммой», международное влияние на нашу страну оказалось не слишком велико, а идеи занимали подчиненное положение по отношению к интересам ключевых политических игроков. Кроме того, важное значение имел и массовый спрос на демократизацию. Накануне распада СССР в 1989–1991 годах в России (по меньшей мере, в ее крупных городах) были активны массовые движения за демократию⁵⁵, но в 1990-е годы общественный запрос в пользу демократии резко снизился. Отчасти причиной тому стал глубокий и длительный трансформационный спад экономики и снижение уровня жизни, отчасти – манипулятивное использование лозунгов демократии политиками, заинтересованными в укреплении собственной власти. В целом масштаб вовлеченности российских граждан в политику оказался, вопреки ожиданиям⁵⁶, не слишком высок⁵⁷.

Низкая вовлеченность граждан в политику создала для российских политических акторов ситуацию «свободы рук», позволявшую им не слишком опасаться проявлений общественного недовольства. Вплоть до 2011–2012 годов россияне крайне редко выражали протест против политического режима. Даже в 1990-е годы, когда массовые опросы демонстрировали низкий уровень политической поддержки, альтернативы режиму статус-кво для россиян выглядели непривлекательными или нереалистическими. А в 2000-е годы повышение экономического благополучия немалой части российских граждан на фоне обретения все большей устойчивости режимом статус-кво повлекли за собой рост его поддержки со сто-

⁵⁴ Среди обилия литературы об экономических реформах 1990-х годов в России см., в частности: Shelifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge, MA: MIT Press, 2000; Guriev S., Rachinsky A. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism // Journal of Economic Perspectives, 2005, vol. 19, № 1. P. 31–50 (<https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/0895330053147994>); Åslund A. Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed. Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

⁵⁵ Fish M.S. Democracy from Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995; Urban M., with Igrunov V., Mitrokhin S. The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁵⁶ Жестким курсом: аналитическая записка Ленинградской ассоциации социально-экономических наук // Век XX и мир, 1990, № 6. С. 15–19. <http://www.r-reforms.ru/indexpub42.htm>.

⁵⁷ Robertson G.B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes. Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

роны россиян⁵⁸. В 2010-е годы ситуация в России с точки зрения массовой поддержки режима стала более турбулентной, и властям приходится прикладывать немалые усилия, чтобы сдерживать нарастающий спрос на политические перемены. Пока им удастся справиться с этой задачей.

Не будучи скованы ограничениями ни на внешнеполитической арене, ни со стороны своих сограждан, российские правящие группы не имели серьезных стимулов для строительства демократии как механизма ограничения собственной власти, зато оказались заинтересованы в строительстве нового авторитарного режима взамен прежнего. Стоит подчеркнуть, что речь не идет и не может идти о каком-либо воссоздании прежнего Советского Союза с его неэффективной экономикой и обилием иных проблем, а именно о новом персоналистском авторитаризме, построенном на совершенно иных принципах.

Да, нынешний российский политический режим сохраняет символическую преемственность по отношению к советскому прошлому и довольно эффективно использует в своих целях нормативный идеал «хорошего Советского Союза»⁵⁹, которому присущ явный политический монополизм. Но у этого режима нет многих врожденных дефектов, характерных для позднего СССР. И принципы легитимации (выборы вместо наследования революционной традиции), и механизмы господства (персонализм вместо правящей партии) у современного российского авторитаризма качественно иные, чем в советскую эпоху.

В целях строительства авторитаризма российские правящие группы успешно создавали и/или использовали в своих целях «правила игры», которые были призваны установить и закрепить наиболее благоприятные для них механизмы господства и усилить неформальные правящие «выигрышные коалиции» вокруг лидеров страны. В 1990-е годы эти шаги могли принести лишь частичный успех: слабость российского государства на фоне глубокого и длительного экономического спада и кардинальной смены состава элит препятствовали монополизации власти и вели к непоследовательным и противоречивым институциональным изменениям. Но в 2000-е годы Владимир Путин на посту главы государства смог успешно провести «работу над ошибками»: экономический рост и усиление государства позволили реформировать состав «выигрышных коалиций» и провести ряд институциональных изменений в пользу закрепления статус-кво.

В результате этих усилий российский авторитарный режим к 2010-м годам достиг стадии консолидации и демонстрирует сегодня устойчивое, хотя и неэффективное равновесие, в сохранении которого любой ценой чем дальше, тем больше заинтересованы лидеры страны. Консолидация позволила российскому режиму сохранить это равновесие, несмотря на ряд внутривнутриполитических вызовов (массовые протесты 2011–2012 годов) и острые международные конфликты, в особенности после присоединения Крыма к России в 2014 году и последующей конфронтации со странами Запада.

Именно сохранение статус-кво настолько долго, насколько это возможно, становится основной целью правящих групп, следствием чего стали принятые в 2020 году поправки в российскую Конституцию, позволяющие Путину сохранять за собой пост главы государства до 2036 года и призванные, по словам одного из российских чиновников, надолго «зацементировать» Россию⁶⁰.

⁵⁸ См.: Rose R., Mishler W., Munro N. Popular Support for an Undemocratic Regime: The Changing Views of Russians. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, Treisman D. Presidential Popularity in a Hybrid Regime: Russia under Yeltsin and Putin // American Journal of Political Science, 2011, vol. 55, № 3. P. 590–609 (<http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/Papers/Pres%20pop.pdf>).

⁵⁹ О «хорошем Советском Союзе» см.: Гельман В. «Недостойное правление». – С. 133–135.

⁶⁰ Поправки в Конституцию «зацементируют» положение России, заявил Песков // РИА Новости, 2020, 20 июня (<https://ria.ru/20200620/1573236667.html>).

В обозримом будущем выход из нынешнего авторитарного равновесия в России представляется многим наблюдателям маловероятным⁶¹. Но так ли уж заслужил Владимир Путин «пятерку с плюсом» в глобальной школе диктаторов за отличную работу по строительству авторитаризма в России? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. По крайней мере, противоречие между попыткой «зацементировать» страну и запросом на перемены в стремительно меняющемся мире, скорее всего, будет определять тенденции российской политики в ближайшие годы, если не десятилетия.

На протяжении последних трех десятилетий российская политика сталкивалась с целым рядом больших и малых развилок. И всякий раз, когда в очередной «критический момент» перед российскими политическими акторами вставал значимый выбор между демократизацией и авторитаризмом, авторитарное решение оказывалось для них предпочтительным. Поэтому *почти каждый шаг на пути эволюции российского политического режима становился если не однозначным «бегством от свободы», то, по меньшей мере, движением в сторону от нее*. Эти шаги, в свою очередь, становились логическим следствием их предыдущих действий по принципу зависимости от предшествующего пути. Таким образом, Россия все дальше и все увереннее отрезала возможности для демократизации страны, которая казалась реальностью в августе 1991 года, но кажется многим иллюзорной в начале 2020-х годов. Среди этих развилок постсоветской политической истории России стоит выделить следующие:

1991 – отказ от принятия новой Конституции России и проведения новых выборов органов власти, частичное сохранение в российской политике «правил игры», унаследованных от советского периода;

1993 – острый конфликт между президентом и парламентом, который привел к силовому роспуску Съезда народных депутатов и Верховного Совета России. Одним из следствий конфликта стало принятие новой Конституции, которая закрепила широкие полномочия президента страны и содержала немалый авторитарный потенциал;

1996 – выборы президента России, в ходе которых Борис Ельцин был переизбран на второй срок в ходе несправедливой кампании, сопровождавшейся обилием злоупотреблений. В ходе кампании Ельцин предпринял попытку отмены выборов, роспуска парламента и запрета оппозиционных партий, но отказался от реализации этих планов;

1999–2000 – борьба различных сегментов элит за лидерство в преддверии выборов нового президента страны. Полная победа в этой борьбе преемника Ельцина – Владимира Путина, который смог максимизировать собственную власть в результате принуждения к лояльности всех значимых акторов;

2003–2005 – устранение реальных и гипотетических препятствий господству правящей группы, изменения важнейших формальных «правил игры», направленные на монополизацию политической власти: отмена выборов глав исполнительной власти регионов и реформа законодательства о партиях и выборах;

⁶¹ См., в частности: Травин Д. Просуществует ли путинская система до 2042 года? – СПб.: Норма, 2016 (<http://norma-spb.com/book/Travin.pdf>); Иноземцев В. Несовременная страна: Россия в мире XXI века. – М.: Альпина Паблишер, 2018; Алексашенко С. Контрреволюция: Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. – М.: Альпина Паблишер, 2019.

2007–2008 – накануне истечения сроков президентских полномочий Путин подобрал себе лояльного преемника Дмитрия Медведева, который в отсутствие реальной конкуренции занял пост главы государства;

2011–2012 – Путин осуществляет обратную замену, возвращаясь на пост президента в ходе несвободных и несправедливых выборов, которые сопровождались злоупотреблениями и спровоцировали массовые протесты в Москве и других городах: начало «закручивания гаек» во внутренней политике;

2014 – после смены политического режима в Украине российские власти осуществляют аннексию (присоединение) Крыма и провоцируют вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины; следствием этих шагов становится острая конфронтация со странами Запада и дальнейшее ужесточение борьбы с реальными и потенциальными противниками режима внутри страны;

2020 – пытаюсь продлить пребывание Путина у власти и сохранить политический статус-кво, российские правящие группы вносят в Конституцию серии поправок, направленных на достижение этой цели, и обеспечивают их одобрение в ходе всероссийского голосования избирателей.

Какими окажутся следующие шаги, изменится ли траектория российского политического режима в обозримом будущем, и если да, то в каком именно направлении? Эти вопросы будут обсуждаться в следующих главах книги. Во второй главе представлен мой подход к анализу процессов политической трансформации на фоне других распространенных объяснений тенденций политического развития России. Три последующие главы посвящены анализу трех десятилетий постсоветской политики в России и ее основных развилок. В третьей главе речь пойдет об основных «критических моментах» 1990-х годов, интересах и стратегиях основных политических акторов и о том, как ограничения, с которыми они сталкивались, обусловили их шаги. Четвертая глава логически продолжит предыдущую на материале 2000-х годов. Здесь в центре внимания находятся стимулы и стратегии российских лидеров, а также факторы, благодаря которым им удалось успешно достичь своих политических целей. Пятая глава сосредоточится на анализе логики нынешнего авторитарного политического режима в России в 2010-е годы, его формальных и неформальных «правил игры» и нарастающих вызовов, с которыми он пытается бороться (пока – вполне успешно). В шестой главе мы подведем предварительные итоги политического развития России после 1991 года и рассмотрим возможные перспективы дальнейшей эволюции ее политического режима. Мы также обсудим вопрос о том, есть ли шансы у России стать политически свободной страной, и если да, то каким путем и с какими издержками это может произойти.

Глава 2

Российский тупик

Главный вопрос, который задают специалисты, исследующие политические процессы в различных странах и регионах мира, можно свести к одному слову: «Почему?» Применительно к анализу российской политики постсоветского периода этот же вопрос можно развернуть следующим образом: *почему страна, которая после падения коммунистической власти в 1991 году провозгласила строительство новой демократии, за три десятилетия прошла путь в сторону авторитаризма, претендуя на его сохранение и упрочение на долгие десятилетия вперед?* Ответ на этот вопрос важен для понимания закономерностей не только российской политики, но и современного мира в целом: ученые много спорят о причинах того, почему одни страны становятся демократиями, а другие нет⁶², и анализ опыта современной России может служить аргументом в этих дебатах.

На первый взгляд, Россия объективно имела неплохие шансы для успешной демократизации. И если посткоммунистические страны от Румынии до Монголии, не говоря уже о соседней с Россией Украине, за три десятилетия смогли стать электоральными демократиями, а Россия стала консолидированной автократией, то тем более важно понять, почему Россия – «отклоняющийся случай» на мировой политической карте. Это даст возможность, анализируя российский опыт в сравнительной перспективе, переосмыслить и общие закономерности глобального политического развития.

Прежде, чем мы перейдем к обзору различных подходов, призванных объяснить российскую политическую траекторию, необходимо сделать важную оговорку. Она связана с бытующим среди специалистов и наблюдателей представлением о том, что демократия в современном мире то ли умирает в силу многочисленных внутренних противоречий и дефектов, то ли уже умерла⁶³, и говорить о демократизации сегодня попросту не имеет смысла. Такие оценки не являются чем-то новым: демократии переживали различные кризисы и в период между двумя мировыми войнами⁶⁴, и в 1970-е годы⁶⁵, но всякий раз преодолевали их и вновь возрождались. Масштабы антидемократического отката, отмечавшегося в ряде стран в 2010-е годы, все же не настолько велики, чтобы делать далеко идущие выводы о закате демократии в XXI веке⁶⁶: перефразируя Марка Твена, можно утверждать, что слухи о смерти демократии сильно преувеличены.

Медицинская проблематика вышла на авансцену современной политики (в том числе, как это ни печально, и в связи с летальными исходами) в 2020-е годы, однако следует иметь в виду, что политическая диагностика сродни диагностике медицинской. Специалисты, изучающие «истории болезни» тех или иных политических систем, действуют подобно медикам, которые, выявив те или иные патологии в состоянии человеческого организма, стремятся обна-

⁶² Среди обилия литературы по теме см., в частности: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. – М.: Новое издательство, 2011; Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные; Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2014.

⁶³ См., например: Levitsky S., Ziblatt D. Op. cit.

⁶⁴ Linz J., Stepan A. (eds.) The Breakdown of Democratic Regimes (3 vols.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1978.

⁶⁵ Crozier M., Huntington S., Watanuki J. The Crisis of Democracy: On the Governability of Democracies. New York: New York University Press, 1975.

⁶⁶ См. интенсивную дискуссию специалистов: Should Modernization Theory Survive? // Annals of Comparative Democratization, 2018, vol. 16, № 3. P. 3–41.

ружить причины болезни, чтобы правильно определить возможности и методы лечения (если таковое вообще возможно). Однако эти причины сильно отличаются друг от друга.

Становление и консолидация новых авторитарных режимов при объективном отсутствии явных оснований для такого развития событий в современном мире рассматриваются многими специалистами как политическая патология. Но в чем причины этих тяжелых недугов? Наши рассуждения (применительно и к России, и к другим странам) отличаются от аргументации медиков, поскольку для политической диагностики применяются разные инструменты анализа, и среди специалистов нет консенсуса в отношении причин заболеваний и методов их лечения. Но хотя политологи и ошибаются с диагностикой куда чаще, чем медики, их ошибки реже приводят к непоправимым последствиям: хорошо ли, плохо ли, но политологи (в отличие от медиков) не лечат своих пациентов сами, а всего лишь рекомендуют те или иные средства элитам и массам, которые к их советам склонны прислушиваться далеко не всегда (и не факт, что эти советы вообще оказываются полезными). У параллелей между политологией и медициной есть и другие недостатки, к которым мы еще вернемся в заключительной главе книги.

В этой главе мы сперва обсудим наиболее распространенные аргументы в политической диагностике России, затем посмотрим на истории болезни других «пациентов» – а именно, на международный опыт строительства демократий и автократий в современном мире, чтобы понять, какие из аргументов более убедительны, чем другие. И лишь затем, в свете анализа этого опыта мы проанализируем логику изменений российского политического режима после 1991 года. Результатом обсуждения станет объяснительная схема процессов постсоветской политической динамики в России, которая будет более подробно развернута в следующих трех главах.

Российская политическая диагностика: Наследственность, травма или отравление?

Во времена холодной войны в Советском Союзе была популярна шутка о том, что всех граждан можно было разделить на три большие группы в зависимости от того, к каким из возможных кризисов они готовились. Согласно этой классификации, «оптимисты» учили английский язык, поскольку ожидали поражения СССР в военном столкновении с США и последующей оккупации американцами. «Пессимисты» учили китайский, предполагая схожий итог военного конфликта между СССР и Китаем. Наконец, «реалисты» учились тому, как пользоваться автоматом Калашникова, готовясь встретить во всеоружии любую войну.

Эта шутка, в известной мере не утратившая актуальности и по сей день, сегодня может быть перефразирована в отношении того, как именно российские и зарубежные специалисты дают ответы на вопрос о причинах и следствиях российской политической динамики после 1991 года. В поисках этих ответов одни эксперты становятся «пессимистами», которые склонны искать объяснения в истории и культуре России, другие – «оптимистами», исследующими процессы экономического роста и развития, ну а третьи – «реалистами», чье внимание концентрируется на политике как таковой: на интересах и политических стратегиях акторов, борющихся за завоевание и/или удержание власти.

Продолжая медицинскую аналогию, стоит отметить, что все эти группы экспертов отмечают у российского «пациента» заболевания, совершенно разные по своей природе: одна группа считает, что они носят наследственный характер, другая уверена, что они вызваны последствиями травм и несчастных случаев, а третья утверждает, что эти заболевания возникли в результате преднамеренных отравлений организма. Более конкретно, «пессимисты» склонны оценивать патологии российской политической системы как хроническое заболевание нашей страны. Из своих интерпретаций прошлого и настоящего России они делают вывод о неустранимости преобладания авторитаризма, как минимум, в обозримом будущем.

«Оптимисты», напротив, рассматривают авторитаризм как временный побочный эффект посттравматического синдрома на фоне комплексных трансформационных процессов постсоветского периода. По их мнению, ускоренный экономический рост и интенсивное включение России в международные процессы позволят со временем преодолеть эти пагубные и сильно затянувшиеся, но все-таки временные болезни.

Наконец, «реалисты» видят политику в России (и не только) как борьбу циничных носителей корыстных интересов в составе политического класса. Они утверждают, что авторитаризм представляет собой результат их преднамеренных действий, подобно тому, как заболевание может стать результатом преднамеренного отравления организма: в данном случае речь идет не только о метафоре, но и о вполне реальной практике использования боевых отравляющих веществ как средства борьбы с политическими противниками российских властей. Поэтому оценки «реалистами» перспектив преодоления авторитаризма в России во многом скептические: найти и успешно применить эффективное «противоядие», способное исправить последствия отравления, весьма непросто не только в медицине, но и в политике. Разумеется, эти три подхода политической диагностики не исключают, а скорее дополняют друг друга: более того, одни и те же эксперты порой сочетают элементы различных объяснений тенденций российской политики.

«Пессимисты»: Страна, непригодная для демократии?

«Пессимисты» исходят из того, что демократии в России просто неоткуда взяться. По их мнению, отсутствие (или, как минимум, слабость) демократических институтов и традиций в прошлом нашей страны и историческое «наследие» режимов разной степени репрессивности настолько укоренено в культуре, что стало непреодолимым барьером на пути демократизации, задав самоподдерживающуюся «колею»⁶⁷, выход из которой невозможен в принципе или сопряжен с колоссальными издержками. А поскольку российское общество исторически лишено иммунитета против авторитаризма в виде «правильной» массовой политической культуры, то оно, полагают «пессимисты», обречено оставаться авторитарным практически навсегда.

Попытки преодоления врожденных наследственных патологий для такой страны наталкиваются на столь сильное сопротивление сформированной веками «матрицы», что они заведомо не имеют шансов на успех⁶⁸. Да, есть отдельные примеры успешного исцеления от таких патологий под воздействием внешних шоков и длительной социокультурной эволюции общества⁶⁹, но они являются лишь редкими исключениями, подтверждающими общее правило.

Основой представлений об исторической и культурной предопределенности неустранимого господства авторитаризма в России (и в ряде других постсоветских стран) служат мнения о том, что на определенном этапе своего развития под воздействием тех или иных факторов Россия попала в неверную «колею», и все, что происходит в стране сегодня и будет происходить и ныне, и присно, и во веки веков, лишь проецирует прошлое в настоящее и будущее России. Не так важно, стало ли таким «поворотным пунктом» наследие Золотой Орды, правление Ивана Грозного или другие события. Так, влиятельная концепция американского историка Ричарда Пайпса⁷⁰ интерпретирует всю историю России как укорененное господство патримониализма, ключевым проявлением которого стал неправовой произвол государственной власти по отношению к обществу. Неудивительно, что логическим следствием такого подхода стало представление о России и Советском Союзе как об «империи зла», получившее большой резонанс во времена холодной войны. Некоторые специалисты видят большую преемственность этого антидемократического и антимодернизационного «наследия прошлого» и применительно к сегодняшней России⁷¹.

Схожие аргументы присущи и авторам, склонным рассматривать Россию как базу «силовой» цивилизации, которая основана на насилии и геополитической экспансии (в противовес «правовой» цивилизации, сложившейся на Западе). Такая цивилизация, считают они, в принципе не совместима с ценностями демократии и верховенства права⁷². Другие специалисты отмечали негативное воздействие «ленинского наследия» коммунистического правления⁷³, которое наложило непреодолимый культурный отпечаток на весь постсоветский путь. Это «наследие» сформировало особый социальный тип – агрессивного и озлобленного «советского человека», ориентированного на конформизм и приспособленчество, жаждущего не демократии, а «строгого, но справедливого хозяина».

⁶⁷ North D. Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. P. 89–93.

⁶⁸ Hedlund S. Russian Path Dependence: A People with Troubled History. London: Routledge, 2005.

⁶⁹ Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. – М.: Новое издательство, 2008.

⁷⁰ Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: Захаров, 2012.

⁷¹ Hedlund S. Op. cit.

⁷² Заостровцев А. Ук. соч.

⁷³ См.: Jowitt K. The New World Disorder: The Leninist Extinction. Berkeley, CA: University of California Press, 1992.

Среднестатистический россиянин предстает в рамках этой теории явным поклонником «жесткой руки», безразличным к гражданским и политическим правам, нетерпимым к любым меньшинствам, в гробу выдавшим частную собственность, стремящимся все «отнять и поделить» и готовым променять свободы на дешевую колбасу и сохранение привычного «порядка»⁷⁴. Следуя такой логике, можно утверждать, что граждане России сегодня имеют именно то, что они заслуживают, а именно – неправовой авторитарный порядок (ярким литературным персонажем, иллюстрирующим этот социальный тип, служит Шариков из повести Булгакова «Собачье сердце»)⁷⁵. В целом «наследие прошлого», по мнению «пессимистов», не поддается преодолению в ходе многочисленных попыток модернизации страны и обрекает Россию на заведомо недемократическую, неправовую и неэффективную траекторию своего развития.

Поскольку «наследие прошлого» определяет поведение отдельных граждан и общества в целом, то делается вывод, что авторитаризм в России демонстрирует свою неустранимость, несмотря на любые перемены, и его преобладание неизбежно закрепляется в политическом устройстве нашей страны на всех этапах ее развития. Поэтому все попытки навязать России демократизацию терпят крах.

Нет нужды говорить о том, что антидемократические тенденции в сегодняшней России всячески подпитывают «пессимистические» представления о причинах ее неудач, лишняя раз убеждая сторонников этого подхода в собственной правоте. В результате такая точка зрения становится все более устойчивой среди российских интеллектуалов. Но насколько оправданны аргументы тех, кто утверждает: во всех политических бедах России повинно непреодолимое «дурное наследие» ее истории и культуры? Основания для столь безапелляционных суждений выглядят сомнительными. Во-первых, культурные барьеры на пути становления демократии не так уж непреодолимы: за последние десятилетия политические установки и ценности сильно меняются в разных странах и регионах мира.

Во-вторых, не стоит автоматически проецировать прошлые и нынешние образцы в будущее: даже если предположить, что россияне сегодня менее демократичны, нежели жители этих стран, то отсюда не следует, что точно так же будут обстоит дела через десятилетия.

В-третьих, само по себе «наследие прошлого» – это не столько объективно существующее явление, сколько феномен, специально сконструированный элитами для достижения своих политических целей (очень часто они включают в себя стремление сохранить статус-кво и не допустить демократических преобразований)⁷⁶.

В-четвертых, признание неспособности России к демократии может повлечь за собой далеко идущие политические последствия. Если признать, что ту или иную страну невозможно улучшить, поневоле придется прийти к выводу, что единственным решением проблем такой страны может оказаться ее полное уничтожение (подобно судьбе Советского Союза), либо введение на ее территории внешнего управления со стороны других, более эффективных и демократических государств. Нельзя исключить, что рано или поздно именно так и случится с Россией, но пока ни сама Россия, ни другие страны не готовы обсуждать перспективы такого рода.

Неудивительно, что историко-культурный детерминизм ряда «пессимистов» воспринимается критически: так, Сергей Гуриев даже сравнил такое восприятие России с расизмом⁷⁷,

⁷⁴ Краткую, но емкую презентацию этого подхода см.: Кудрявцева Е. Человек неменяемый // Огонек, 2011, № 2 (<https://www.kommersant.ru/doc/1565316>).

⁷⁵ См.: Левада Ю. (ред.). Советский простой человек. – М.: Мировой океан, 1993 (<https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/06/Sovetskij-prostoj-chelovek.pdf>); критический анализ этого подхода см., в частности: Sharafutdinova G. Was there a "Simple Soviet" Person? Debating the Politics and Sociology of Homo Sovieticus" // Slavic Review, 2019, vol. 78, № 1. P. 173–195 (https://www.researchgate.net/publication/332839843_Was_There_a_Simple_Soviet_Person_Debating_the_Politics_and_Sociology_of_Homo_Sovieticus).

⁷⁶ Beissinger M.R., Kotkin S. Op. cit.

⁷⁷ См.: Дудь Ю. Гуриев – пенсионная реформа, демедведизация, доллар // ВДудь, 2019, 1 октября (<https://yurij-dud.ru/>)

а автор этих строк в одном из выступлений охарактеризовал эти подходы как «теории "сравной Рашки"» (намеренно негативное определение, используемое некоторыми комментаторами в отношении России в социальных сетях и на форумах). Историко-культурные обоснования авторитаризма в России (и не только) уязвимы и логически, поскольку они попадают в перечень «остаточных категорий», к которым прибегают тогда, когда не удастся что-либо объяснить. Согласно им, демократия в России не может укорениться вследствие неблагоприятного «наследия», а заданная им траектория развития, в свою очередь, не может быть изменена в отсутствие демократии.

«Оптимисты»: В ожидании устойчивого роста

Если «пессимисты» видят Россию жертвой неизлечимой болезни «наследия» авторитаризма, то «оптимисты» смотрят на ее проблемы через совершенно иную оптику. Они считают, что Россия – «нормальная страна» с более или менее средними по мировым меркам показателями социально-экономического развития. А если так, то не следует и предъявлять к ней завышенных требований по части демократии, да и слишком переживать из-за ее нынешнего авторитаризма⁷⁸: на свете есть много государств, где дела обстоят много хуже. Если сравнить страны мира с учениками в школьном классе, то в глобальном измерении Россия – явно не «отличница» мировой политики, но и не безнадежная «двоечница». Да, не Дания, но и не Туркменистан, а, скорее, что-то вроде Аргентины, которая в начале XX века подавала большие надежды на международное лидерство, но после турбулентного периода с многочисленными сменами режимов от демократий к диктатурам и обратно на нее все более или менее махнули рукой.

С этой точки зрения, *Россия – своего рода твердая «троечница», которая худо-бедно справляется с текущими заданиями, но шансов в обозримом будущем кардинально улучшить (как и ухудшить) свою «успеваемость» у нее немного. Такие страны очень чувствительны к негативному воздействию неожиданных внешних шоков, которые могут нанести им травмы, способные надолго ослабить организм.* И если для иных стран внешние шоки могут создать стимулы для модернизации, то в других они иногда способствуют упадку, надолго консервируя существующее положение дел.

Если исходить из этих соображений, Россия в процессе распада Советского Союза и после его завершения пережила своего рода посттравматический синдром в ходе «революционной» трансформации⁷⁹. Эти перемены сопровождались очень резким упадком административного потенциала государства и его институтов и даже ставили под вопрос само существование страны как таковой. Независимо от оценок распада СССР и его последствий, невозможно не учитывать, что развитие событий оказалось далеко не худшим из возможных – Россия в 1990-е годы обошлась без войн со своими соседями, и масштаб насильственных конфликтов внутри страны оказался меньше, чем можно было бы опасаться⁸⁰.

Авторитарные тенденции в России служили в 1990-е годы своего рода обезболивающим средством, которое предохраняло страну от полного краха, когда слабое российское государство на фоне очень длительного и глубокого трансформационного спада оказалось неспособно обеспечить устойчивое функционирование экономики и поддержание элементарного правопорядка⁸¹. С этой точки зрения российский авторитаризм был подобен швам или гипсовой повязке, которые на время позволяли срастись разорванным тканям и давали тем самым травмированному организму время и шансы на то, чтобы укрепить свой потенциал для «выращивания» новых «правил игры», условия для которых возникали в процессе послереволюционной стабилизации. В этом свете авторитаризм в России предстает временным и преходящим явлением, аналогом «болезни роста», которая может надолго затянуться, но в среднесрочной перспективе при умелом лечении преодолима.

Такая интерпретация траектории развития российского государства в постсоветский период имеет под собой немалые основания. Крушение коммунистического режима и распад

⁷⁸ Shleifer A., Treisman D. A Normal Country.

⁷⁹ Май В., Стародубовская И. Великие революции от Кромвеля до Путина. – М.: Вагриус, 2004.

⁸⁰ См.: Коткин С. Ук. соч.

⁸¹ См., в частности: Холмс С. Чему Россия учит нас сегодня (чем слабость государства угрожает свободе) // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение, 1997, № 3-4. С. 192–199 (<https://prospect.org/world/russia-teaches-us-now/>).

СССР повлекли за собой фрагментацию государственного устройства и «по горизонтали», и «по вертикали». Многочисленные исследовательские работы отмечали и «захват государства» «олигархами», и спонтанную узурпацию полномочий федерального центра регионами. Ряд регионов тогда представлял собой вотчины субнациональных лидеров. Были и другие патологии – например, вытеснение денежного обращения бартерными суррогатами и поддержание правопорядка с помощью криминальных группировок⁸².

В 2000-е годы, по мере того как российская экономика преодолела трансформационный спад, картина резко изменилась. Российское государство восстановило утраченный административный потенциал, и перечисленные выше явления оказались вытеснены на периферию или встроены в новую институциональную среду. Те же «олигархи» утратили контроль над «повесткой дня» и вынужденно заняли сугубо подчиненное положение в рамках новой системы отношений государства и бизнеса⁸³, региональные лидеры лишились многих рычагов власти при принятии решений и оказались в сильной зависимости от федерального центра⁸⁴, многие криминальные группировки были легализованы либо маргинализированы. На этом фоне реализованный в 2000-е годы консервативный сценарий постреволюционной стабилизации⁸⁵, предполагавший усиление авторитарных тенденций, рассматривался как неизбежное временное отклонение от общих тенденций демократизации.

Казалось, он раздвигал для акторов временной горизонт, столь необходимый для успешного «выращивания» новых демократических институтов. Однако на деле усиление российского государства привело прежде всего к усилению чиновников, неподконтрольных обществу и использовавших власть как средство борьбы с политическими противниками и конкурентами в экономике. Многочисленные сопутствующие заболевания российской политики и экономики – способствующие авторитарным тенденциям эффекты ресурсного проклятия (для России – зависимость от экспорта нефти и газа)⁸⁶ и чрезвычайно высокий уровень коррупции – лишь усугубляли и затягивали посттравматический синдром, отодвигая перспективы консервативного лечения болезни.

В этих условиях «оптимисты» возлагали надежду на то, что устойчивый экономический рост в условиях авторитаризма может заложить основы для успешной демократизации в процессе смены поколений. Так произошло, к примеру, в Испании в последние десятилетия правления Франко⁸⁷. В 2000-е годы предположения о поэтапной демократизации страны по мере дальнейшего экономического роста казались вполне убедительными⁸⁸. Однако в 2010-е годы эти перспективы оказались исчерпаны, эффекты авторитаризма становились все заметнее, и казались уже не временными «отклонениями» России от магистрального пути перехода к демократии, а фундаментальными основаниями ее политического устройства. На этом фоне сами «оптимисты» меняли свои оценки, со временем становясь все большими «скептиками». Тот же Дэниел Трейсмэн, в первой половине 2000-х годов характеризовавший Россию как «нор-

⁸² Волков В. Силовое предпринимательство. – М.-СПб.: Летний сад, 2002.

⁸³ Паппэ Я., Галухина Я. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009.

⁸⁴ Подробнее см.: Гельман В. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России // Полис, 2006, № 2. С. 90–109 (<http://www.polistudies.ru/files/File/2006/2/Polis-2006-2-Gelman.pdf>).

⁸⁵ Stinchcombe A. Ending Revolutions and Building New Governments // Annual Review of Political Science, 1999, vol. 2. P. 49–73 (<https://www.annualreviews.org/doi/abs/10.1146/annurev.polisci.2.1.49>).

⁸⁶ См., в частности: Щербак А. «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы: политико-экономический анализ // Общественные науки и современность, 2007, № 1. С. 47–56 (<http://ecsocman.hse.ru/text/18917671/>); Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 114–138.

⁸⁷ Treisman D. Income, Democracy, and Leader Turnover // American Journal of Political Science, 2015, vol. 59, № 4. P. 927–942 (<https://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/treisman/Daniel'sNEWPAPERS/Democracy%20April%202014%20pdf%20of%20whole%20article%20including%20online%20appendix.pdf>).

⁸⁸ Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. Институты: от заимствования – к выращиванию (опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики, 2005, № 5. С. 5–27.

мальную страну», в конце 2010-х анализировал ее политическое развитие как случай «нового авторитаризма» в рамках разработанной им и Сергеем Гуриевым концепции «информационной автократии»⁸⁹.

Основаниями для нарастающего скептицизма служит тот факт, что ожидать нового ускоренного роста и развития в 2020-е годы России, по мнению большинства специалистов, заведомо не приходится. Поэтому рассчитывать на естественное преодоление авторитаризма в России в обозримом будущем нет никаких оснований. И даже если в перспективе многих десятилетий, если даже не веков, этот осторожный оптимизм в отношении воздействия экономического роста на политические перемены в России окажется оправданным, сегодня он скорее вызывает в памяти известные стихотворные строки Николая Некрасова: «Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе».

Слабое звено в рассуждениях «оптимистов» – некритическое восприятие механизмов, посредством которых экономическое развитие и государственное строительство влияют на политические преобразования. Хотя авторитарные тенденции подчас являются атрибутами слабых государств и кризисных экономик, само по себе восстановление административного потенциала государства и экономический рост не ведут «по умолчанию» к становлению демократии. Наоборот, есть основания полагать, что сильное государство и устойчивая экономика (пусть и медленно растущая, но не подверженная катастрофическим спадам, подобным тем, что Россия пережила в 1990-е годы) могут оказаться ничуть не менее опасны для демократии, нежели слабые государства и экономики: в этом случае речь идет о становлении препятствующего успешному развитию государства-хищника (predatory state)⁹⁰. Иначе говоря, *росcийский опыт дает основания предположить, что лекарство от посттравматического синдрома переходного периода в форме сильного, но не подотчетного гражданам авторитарного государства может оказаться гораздо опаснее недугов: при таком лечении «болезни роста» могут быстро и подчас необратимо перерасти в глубокие патологии.*

⁸⁹ См., например: Treisman D. (ed.) The New Autocracy: Information, Politics and Policy in Putin's Russia. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2018; Guriev S., Treisman D., Informational Autocrats // Journal of Economic Perspectives, 2019, vol. 33, № 4. P. 100–127 (<https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.100>).

⁹⁰ North D. Structure and Change in Economic History. New York: W.W. Norton, 1981.

«Реалисты»: Кому выгодно?

В отличие от «пессимистов» и «оптимистов», которые исходят из того, что политическая динамика зависит исключительно от структурных ограничений, «реалисты», не отрицая их роль, видят мир политики прежде всего как арену борьбы акторов – коварных и циничных политиков, стремящихся к завоеванию и удержанию власти любыми доступными им средствами. Такой взгляд на внутреннюю политику государств отчасти пересекается с «реалистическим» подходом в изучении международных отношений, связанным с анализом борьбы государств в сфере внешней политики⁹¹, но отличается от него во многих отношениях. Структурные ограничения, по мнению «реалистов», влияют на политическую борьбу акторов, но не служат единственным фактором, определяющим ее исход. В свою очередь, результат этой борьбы в конечном итоге определяет изменения политических режимов (или отсутствие таковых). Сами политические акторы далеко не всегда идейные сторонники диктатур. Они просто вынуждены бороться за политическое (а иногда и физическое) выживание в условиях, когда лишь один из участников конкуренции (в политике, бизнесе или на войне) выигрывает (по принципу «победитель получает все»). Остальные игроки проигрывают и несут те или иные потери (специалисты называют такие исходы «игрой с нулевой суммой»).

В такой ситуации с точки зрения интересов политических акторов идеальным политическим режимом оказывается диктатура (при условии, если они сами выступают в роли диктаторов или хотя бы участвуют в составе правящей «выигрышной коалиции»), а демократия, напротив, явное препятствие для достижения этих целей. Как отмечал Адам Пшеворский, «демократия – это система, при которой партии (как и любые политики. – **В. Г.**) проигрывают выборы»⁹². Поэтому многие рациональные политики заинтересованы в том, чтобы создать такие «правила игры», которые максимально облегчат им монополизацию власти и максимально затруднят обретение власти для их конкурентов. Эту логику институционального строительства кратко сформулировал нобелевский лауреат Дуглас Норт: «институты... создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»⁹³. Однако одним рациональным акторам удастся монополизировать власть всерьез и надолго, а другим нет.

В результате становление авторитаризма предстает результатом преднамеренных действий, которые можно уподобить отравлению политического организма. Странам, в которых давно сложились демократические «правила игры», порой удастся если не выработать иммунитет к такого рода «отравлениям», то хотя бы минимизировать их негативные эффекты. Даже если в консолидированных демократиях к власти на выборах приходят весьма одиозные и авторитарные политики (подобные тому же Трампу), превратить демократические режимы в авторитарные им, как правило, не удастся⁹⁴. Но странам, которые вынуждены создавать свои политические институты «с нуля» (как произошло после краха коммунизма), оказывается куда сложнее выработать эффективное «противоядие» самостоятельно.

В таких случаях авторитарное «отравление» может повлечь за собой устойчивые и длительные негативные побочные эффекты. Со временем в таких странах возникает своего рода «порочный круг»: по мере укоренения авторитаризма снижаются шансы на эффективность «противоядия», выработать иммунитет к «отравлениям» становится все труднее, и в итоге

⁹¹ См. классический анализ международных отношений: Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*, New York: Alfred A. Knopf, 1978; Waltz K. *Theory of International Politics*, New York: McGraw-Hill, 1979; критическое переосмысление этого подхода см.: Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2001.

⁹² См.: Przeworski A. *Op. cit.* P. 10.

⁹³ См.: North D. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. P. 16.

⁹⁴ Levitsky S., Ziblatt D. *Op. cit.*

болезнь авторитаризма может так и остаться неизлечимой. *В ходе посткоммунистических преобразований в России (и не только) заинтересованные акторы сознательно и целенаправленно выстраивали выгодные для себя «правила игры», сплошь и рядом пытаясь максимизировать собственную власть и создать для своих конкурентов непреодолимые препятствия.* В трех следующих главах книги мы разберем такие примеры несколько подробнее.

Представления «реалистов» о политическом процессе как о борьбе акторов за максимизацию власти опираются на давнюю традицию политической мысли от Никколо Макиавелли до Владимира Ленина (многие его тексты, а уж тем более практика деятельности могут служить учебным пособием по успешному захвату и удержанию власти). А наши современники Брюс Буэно де Мескита и Алистер Смит опубликовали «Руководство для диктаторов», написанное в духе «вредных советов» авторитарным политикам или в стиле рецептов из кулинарной книги (а говоря в духе «отравлений» – в стиле «всемирной истории ядов») ⁹⁵. На сходных основаниях будет построен и наш дальнейший анализ на страницах этой книги.

Мы не будем отрицать ни аргументов «пессимистов» о роли «наследия» российской истории и культуры, ни точки зрения «оптимистов» о влиянии экономического роста и государственного строительства на динамику политического режима в России. Но рассматривать эти аспекты мы будем как сопутствующие и в целом второстепенные факторы политического развития России, а не как главные причины, определившие постсоветскую политическую траекторию нашей страны с ее развилками, «зигзагами» и тупиками.

«Реалистический» подход не означает апологетики авторитаризма в России и в мире в целом с нормативной точки зрения (с точки зрения того, как должно быть). Эта книга написана с позиций позитивного анализа российского политического режима (с точки зрения того, как обстоят дела на самом деле). Не оправдывая и уж тем более не поддерживая «отравителей», нам необходимо понять их мотивацию и логику поведения. Это позволит нам более грамотно объяснить, почему в разных ситуациях попытки «отравления» политических институтов приводят к различным исходам, каковы природа и механизмы действия «ядов» в мире политики и в целом, и в случае России. Такие объяснения позволят более обоснованно судить о том, есть ли у нашей страны шансы на эффективное «противоядие», и если да, то какими средствами необходимо исправлять последствия «отравления» страны постсоветским авторитаризмом? Однако такая постановка вопроса наталкивается на другие проблемы, которые необходимо разрешить прежде, чем мы перейдем к анализу российской политической динамики.

⁹⁵ Bueno de Mesquita B., Smith A. Op. cit.

Механизмы демократизации

Логика анализа, которой руководствуются «реалисты», также уязвима, поскольку она не позволяет объяснить, почему современный мир состоит не только из автократий той или иной степени репрессивности, но и из демократий. Хотя мировая политическая история по большей части представляет собой историю диктатур, современная мировая политическая карта все же выглядит совершенно иначе. С XIX века происходило постепенное (хотя и нелинейное) распространение электоральной демократии, а к концу XX века электоральные демократии стали наиболее распространенным типом политического режима в мире⁹⁶. Поэтому необходимо понять, почему в самых разных странах, несмотря на многочисленные препятствия со стороны автократов, происходила и сейчас происходит демократизация и почему она потерпела неудачу в постсоветской России.

У демократизации не существует одной-единственной причины. Можно лишь определить шансы той или иной страны быть демократией «в общем и целом», но нельзя предугадать, станет ли она демократией «здесь и теперь», а уж тем более спрогнозировать конкретные механизмы и временные рамки процесса демократизации. Поэтому не приходится удивляться тому, что внезапные падения некоторых авторитарных режимов, создающие условия для демократизации, могут застать экспертов врасплох, как произошло и с «осенью народов» 1989 года (когда в течение нескольких месяцев один за другим рушились коммунистические режимы стран Восточной Европы), и с «арабской весной» 2011 года, когда пали авторитарные режимы в Тунисе, Египте и Ливии. Конечно, само по себе свержение диктатур отнюдь не гарантирует перехода к демократии, и Россия далеко не единственная страна, где на смену одному авторитарному режиму пришел другой. Поэтому имеет смысл говорить не о конкретных причинах и сценариях демократизации в каждой стране, а об общих механизмах и о факторах, способствующих или препятствующих успеху демократизации.

Хотя список факторов, способствующих демократизации тех или иных стран, довольно велик, лишь два из них считаются бесспорными. Прежде всего, это высокий уровень экономического развития (который обычно измеряется показателем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения) в сочетании с высокими показателями человеческого развития (включая уровень образования и здравоохранения) и сравнительно низким социально-экономическим неравенством⁹⁷. Политологи считают, что «чем богаче нация, тем больше у нее шансов быть демократией»⁹⁸. Кроме того, демократизация чаще всего более успешна в странах относительно гомогенных – однородных в этническом, религиозном или языковом отношении, не разделенных неразрешимыми конфликтами и не подверженных крайне пагубному воздействию сепаратизма⁹⁹. Да, в мире есть страны, демонстрирующие успешную демократизацию на фоне острых этнических и религиозных конфликтов и относительно низкого уровня социально-экономического развития (например, Индия), но они чаще всего служат лишь исключениями, подтверждающими правило.

Механизмы демократизации выглядят намного более разнообразно. Прежде всего, в истории Европы, а позднее и Латинской Америки наиболее важной движущей силой демократизации выступала классовая борьба, подымавшая широкие массы граждан (прежде всего

⁹⁶ Наиболее подробный анализ процессов демократизации в мире начиная с 1789 года представлен в рамках международного проекта Varieties of Democracy, реализуемого в рамках V-Dem Institute (университет Гетеборга). См.: <https://www.v-dem.net/en/data/data/v-dem-dataset/>.

⁹⁷ Przeworski A., Alvarez M.E. Cheibub J.A., Limongi F. Op. cit.

⁹⁸ Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review, 1959, vol. 53, No 1. P. 75 (https://scholar.harvard.edu/files/levitsky/files/lipset_1959.pdf).

⁹⁹ Rabushka A., Shepsle K. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, OH: Merrill, 1972.

индустриальных рабочих, хотя и не только их) на активную борьбу за свои политические права. Логика классовой борьбы как важного инструмента демократизации обусловлена тем, что демократия экономически более выгодна народным массам, чем авторитаризм. Причины этого отчасти схожи с теми, по которым конкуренция производителей на рынке куда выгоднее для рядовых потребителей, чем монополия. Различные сегменты элит, борющиеся за голоса избирателей, вынуждены предлагать им различные блага по образцу конкурирующих сетей супермаркетов, привлекающих клиентов более низкими ценами и скидками на свои товары и услуги. Именно поэтому, как правило, **демократические режимы перераспределяют намного большую долю ресурсов и благ в пользу экономически непривилегированных слоев общества, чем многие авторитарии**¹⁰⁰.

Поэтому демократизация в странах Западной Европы в XIX и в начале XX века представляла собой борьбу за поэтапное расширение доступа к избирательным правам для все новых слоев граждан. Изначально запредельно высокие имущественные и социальные цензы участия в выборах постепенно снижались и к окончанию Второй мировой войны были сняты почти повсеместно. Но эти изменения происходили не сами собой, они стали результатом весьма жесткого давления со стороны массовых общественных движений – прежде всего рабочего движения, возглавляемого профсоюзами, а в некоторых странах и женского движения (суфражисток).

Элиты вынуждены были идти на уступки этим движениям под угрозой массовых протестов, забастовок и революций. В известной мере демократизация ряда стран Западной Европы оказалась побочным продуктом классового конфликта, который в итоге был разрешен через политические компромиссы и перераспределение общественного богатства. Протесты со стороны массовых общественных движений стали мощной движущей силой демократизации и в Латинской Америке в 1970–1980-е годы, они сыграли очень важную роль и в крушении коммунистических режимов в некоторых странах Восточной Европы, прежде всего в Польше. Хотя лозунги, организационная основа и массовая база поддержки этих движений различались в разные эпохи во многих странах, у них есть общее. **Массовый общественный активизм в поддержку демократии служит важнейшим инструментом демократизации, однако далеко не всегда гарантирует ее успех.**

Как бы ни была значима для демократизации классовая борьба, стоит иметь в виду, что ключевым участником политических процессов являются элиты. Динамика политических режимов зависит от их конфигурации и от механизмов взаимодействия различных сегментов элит между собой и с обществом. Правящим группам в авторитарных режимах не всегда удается кооптировать сегменты элит, не согласные с проводимой ими политикой, в состав «выигранных коалиций» или подавить их сопротивление силой. Поэтому зачастую, хотя и не всегда, конфликты элит приобретают неустрашимый характер, иногда выливаясь в затяжные и кровопролитные противостояния с применением насилия, вплоть до революций и гражданских войн.

Однако такие конфликты не могут длиться вечно, и зачастую элиты, имея немного шансов победить в борьбе по принципу «игры с нулевой суммой» и осознавая риски своего поражения, приходят к соглашению о «правилах игры», задающих рамки политической конкуренции. Тем самым они фактически договариваются об установлении демократии. Такие договоренности могут оказаться неудачными: у сторон конфликта велик соблазн их нарушить. Поэтому соглашения элит, или «пакты», относительно редко приводят к устойчивой демократизации. Джон Хигли и Майкл Бартон насчитали всего лишь пару десятков успешных примеров «соглашений элит» в мире за всю историю Нового времени¹⁰¹.

¹⁰⁰ Асемоглу Д. (Аджемоглу Д.), Робинсон Дж. Экономические истоки.

¹⁰¹ Higley J., Burton M. Op. cit.

Каноническим примером успешного «соглашения элит» служит «славная революция» в конце XVII века в Англии, механизм и последствия которой проанализировали Дуглас Норт и Барри Уэйнгаст. Правление монархии в Англии вплоть до середины XVII века представляло собой хищническую политику короны, которая поочередно меняла своих младших партнеров по «выигрышной коалиции», вступая в альянсы то с землевладельцами (тори), то с торговцами (виги), и по очереди облагая то одних, то других грабительскими налогами. Но когда английское государство столкнулось с фискальным кризисом, и король Карл I вынужден был одновременно обложить высокими налогами оба ключевых сегмента элит, в ответ возникла мощная коалиция негативного консенсуса, включавшая и тори, и вигов, которая общими усилиями свергла монархию.

После этого страна погрузилась в глубокий хаос, который Томас Гоббс обозначил как «войну всех против всех». На протяжении последующих десятилетий попытки и установления диктатуры, и реставрации монархии не смогли разрешить конфликт элит. Ни тори, ни виги не хотели восстановления прежних порядков, но при этом и не доверяли друг другу. Никто из них не был заинтересован и в продолжении конфликта, и в бесконтрольном насилии. Лишь спустя почти полвека после начала противостояния им удалось прийти к компромиссу, который предполагал ограничение фискальной политики короны со стороны парламента и введение представительного правления посредством конкурентных выборов (с поправкой на то, что избирательные права тогда были предоставлены лишь тонкой прослойке зажиточных англичан).

Так начался долгий, но в целом относительно мирный процесс демократизации Англии, способствовавший ее успешному экономическому развитию¹⁰². Сходная логика лежала в основе «пакта Монклоа» в Испании, который в 1977 году после смерти Франко заключили между собой наследники прежних сторонников и противников авторитарного режима, оказавшихся по разные стороны линии фронта в кровавом противостоянии гражданской войны 1930-х годов: Испания довольно быстро и вполне успешно освоила демократические «правила игры»¹⁰³.

Не всякие пакты и соглашения элит способствуют демократизации. Очень часто речь идет о тактическом альянсе различных сегментов элит, призванном исключить из состава «выигрышных коалиций» аутсайдеров и сохранить статус-кво: по сути, речь идет о своего рода картельных соглашениях по разделу политического рынка. В этом отношении значимость «пактов» не стоит преувеличивать. Но если и когда за участниками этих соглашений стоят акторы, опирающиеся на поддержку массовых движений, и если их участники понимают, что добиться одностороннего перевеса им все равно не удастся, то «пакты» могут становиться действенными механизмами демократизации.

Так, «Круглый стол» в Польше в 1989 году завершился официальным соглашением между представителями коммунистического режима, с одной стороны, и оппозицией во главе с движением «Солидарность», с другой. Оно открыло дорогу к проведению конкурентных выборов и стало важнейшим шагом на пути демократизации Польши. Но этому соглашению предшествовали девять лет тяжелого противостояния между властями и «Солидарностью», включавшего в себя введение военного положения, арест лидеров оппозиции, острый кризис в экономике и управлении страной, справиться с которым коммунистические лидеры были не в состоянии¹⁰⁴.

¹⁰² North D., Weingast B. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing the Public Choice in Seventeenth-Century England // Journal of Economic History, 1989, vol. 49, № 4. P. 803–832 (https://www.researchgate.net/publication/227348672_Constitutions_and_Commitment_The_Evolution_of_Institutions_Governing_Public_Choice_in_Seventeenth-Century_England).

¹⁰³ Colomer J.M. Transition by Agreement: Modelling the Spanish Way // American Political Science Review, 1991, vol. 85, № 4. P. 1283–1302.

¹⁰⁴ Matynia E. Furnishing Democracy in the End of the Century: The Polish Round Table and Others // East European Politics

В ряде случаев важную роль в демократизации отдельных стран может сыграть влияние со стороны иностранных государств и международных организаций. Международное воздействие на внутривнутриполитические процессы может осуществляться с позиции силы (демократизация Западной Германии и Японии после Второй мировой войны была фактически навязана США и их союзниками). Но часто навязанная демократизация не приводит к успеху: опыт Ирака после американского вторжения и свержения режима Саддама Хусейна в 2003 году повлек за собой дискредитацию идей «продвижения демократии». Более того, в период холодной войны глобальное противостояние США и СССР препятствовало демократизации многих стран Третьего мира: обе мировые сверхдержавы выступали в роли своего рода «черных рыцарей», которые покровительствовали одиозным авторитарным лидерам, присягавшим на верность своим зарубежным патронам в обмен на поддержку с их стороны.

После окончания холодной войны политический климат в мире кардинально изменился. Многие репрессивные авторитарные режимы утрачивали поддержку, в то время как демократические «правила игры» со временем становились общепризнанной нормой. Отчасти это было связано с тем, что «гегемонный» авторитаризм утратил привлекательность. В современных условиях глобализирующегося мира сохранять неизменными диктаторские режимы в течение очень долгого периода удастся странам, обладающим большими запасами природных ресурсов (например, страны Персидского залива), и странам, способным опираться на поддержку нынешних «черных рыцарей» (в этой роли все чаще выступает Китай, а на постсоветском пространстве и Россия). Авторитарным лидерам приходится приспосабливаться к меняющейся международной среде и прилагать немало усилий для создания и поддержания «фасада», который напоминает демократические институты и призван замаскировать суть диктатур, то есть создавать и поддерживать электоральный авторитаризм¹⁰⁵.

Главный фактор международного влияния на демократизацию в современном мире – привлекательность развитых демократий. Они сочетают высокий уровень социально-экономического развития и верховенства права, что делает их нормативными образцами для подражания для многих стран. Далеко не все авторитарные режимы могут противопоставить им альтернативы, столь же привлекательные в глазах как элит, так и общества в целом. Принято считать, что чем более развиты и устойчивы экономические, торговые, информационные, миграционные и образовательные взаимосвязи (linkages) между теми или иными авторитарными странами, с одной стороны, и США и Европейским союзом, с другой, тем меньше шансов у авторитарных режимов на выживание в среднесрочной перспективе. В свою очередь, США и ЕС также оказывают на эти страны целенаправленное воздействие, используя различные рычаги влияния (leverages) в форме финансовой помощи, консультаций, программ содействия развитию и т. д.¹⁰⁶

Не стоит видеть эти взаимодействия сквозь призму «теории заговора» и полагать, что «демократическое влияние Запада» состоит в том, что коварные американцы и европейцы руками своих наймитов свергают легитимные режимы в неугодных им странах, приводя к власти своих послушных марионеток. *Международное воздействие может выступать важным дополнением к внутривнутриполитическим условиям демократизации, но неспособно их заменить.*

Успешным примером международного воздействия на процессы демократизации стала политическая эволюция стран Восточной Европы после краха коммунизма. Стремление стать частью «Большой Европы» было присуще и гражданам этих стран, и значительной части элит. В то же время Европейский союз обуславливал перспективы последующего вступления стран

and Societies, 2001, vol. 15, № 2. P. 454–471.

¹⁰⁵ Levitsky S., Way L. Op. cit.; Schedler A. The Politics of Uncertainty.

¹⁰⁶ См.: Levitsky S., Way L., Op. cit.

Восточной Европы в свои ряды выполнением целого ряда условий, предполагавших демократизацию и движение в сторону верховенства права. Эта практика оказалось успешной. Под воздействием европейцев произошла демократизация, к примеру, в Хорватии, вступившей в ЕС, а несколько позже Сербия, развязавшая серию кровопролитных войн на территории бывшей Югославии, свергла режим автократа Слободана Милошевича, сдала бывшего лидера в международный суд в Гааге и приняла многие европейские «правила игры». В сходном ключе можно рассматривать и смену режимов в Грузии (2003) и в Украине (2004 и 2014), хотя здесь взаимное влияние внутривнутриполитических и международных факторов оказалось более сложным.

Наконец, начало процессам демократизации вольно или невольно могут положить сами авторитарные лидеры, если они принимают решения под воздействием идеологии – системы убеждений, верований и ценностей, определяющих представления о должном и сущем. Такие шаги порой приводят их к непреднамеренным и даже нежелательным для них самих, но неустранимым последствиям. Ярким примером такого сценария может служить советский лидер Михаил Горбачев.

В 1985 году, придя на пост генерального секретаря ЦК КПСС, он избрал курс на построение в стране «гуманного демократического социализма», за несколько лет полностью перестроил «выигрышную коалицию» в своем окружении, начал непродуманные и непоследовательные экономические преобразования и либерализацию общественной жизни и ослабил цензуру в СМИ, опираясь на изначально высокую массовую поддержку своих начинаний. Но уже в ходе первых частично конкурентных парламентских выборов, которые прошли весной 1989 года, случилось непредвиденное: вместо того чтобы способствовать плавному обновлению коммунистического режима, граждане начали требовать его полного демонтажа, и процесс политических реформ в стране вышел из-под контроля правящих групп (специалисты назвали эти выборы «опрокидывающими»)¹⁰⁷.

Процесс демократизации пошел дальше, оставив Горбачева на обочине политического развития, а сам он, искренне веривший в свои идеи (и сохранивший эту веру по сей день), потерпел сокрушительное поражение. Лидер советской сверхдержавы лишился власти, а страна, которую он возглавлял, прекратила существование всего через шесть с небольшим лет после начала реформ. Как бы ни расценивался опыт реформ Горбачева, он говорит о том, что идеология может иметь значение для демократизации, хотя сама по себе она отнюдь не обеспечивает ее успех.

¹⁰⁷ Huntington S., The Third Wave. P. 174–180.

Демократизация: Почему у России не получилось?

Если проанализировать траекторию политической динамики посткоммунистической России с точки зрения влияния различных факторов и механизмов демократизации, перед нами предстанет более чем противоречивая картина. Казалось бы, в России налицо все факторы успешной демократизации. Россия по мировым критериям относится к числу экономически развитых стран, с относительно высоким уровнем валового внутреннего продукта на душу населения¹⁰⁸ и потенциалом человеческого развития, да и уровень социально-экономического неравенства, хотя и заметно вырос в постсоветский период¹⁰⁹, не сравним с тем разрывом в доходах и социальных возможностях, который отмечается во многих демократических странах Латинской Америки, где (за редкими исключениями) демократия за последние десятилетия вполне укоренилась.

Далее, Россия – достаточно гомогенная страна в этническом и религиозном отношении: примерно 80 % ее населения – русские, потенциал для конфликтов на национальной и религиозной почве относительно невысок (за исключением Северного Кавказа), да и сепаратистские тенденции нигде, кроме того же Северного Кавказа, не создавали неустрашимых вызовов единству страны. В России нет оснований для таких конфликтов в масштабах страны, которые могли бы поставить непреодолимый барьер на пути ее демократизации. Более того, нельзя утверждать, что российские граждане явно отвергают демократические институты (конкурентные выборы и свободу медиа): результаты массовых опросов не дают оснований для суждений такого рода¹¹⁰. Но при этом ни один из механизмов демократизации в постсоветский период российской истории так и не сработал, и на практике в стране наблюдались совершенно иные политические тенденции. Есть несколько факторов, объясняющих эту нехарактерную политическую динамику.

Первый фактор: массовое общественное участие после распада СССР не играло первостепенной роли в российской политике, за исключением отдельных всплесков протестной мобилизации (как в ходе выборов 2011–2012 годов). И хотя период 1989–1991 годов в нашей стране был отмечен крупномасштабной массовой мобилизацией населения против власти КПСС и довольно мощной волной протестных движений¹¹¹, после распада СССР она быстро сошла на нет, не оставив заметного следа. Даже очень глубокий и длительный трансформационный спад в российской экономике 1990-х годов не вызвал значительных по масштабу проявлений массовой протестной мобилизации против политики правительства России. Более того, Грэм Робертсон, проанализировав данные ведомственной статистики МВД России о масштабах забастовок в различных регионах страны во второй половине 1990-х годов, сделал вывод, что наибольшее влияние на размах протестов тогда оказал не спад жизненного уровня россиян и не задержки с выплатой зарплат и пенсий, а конфликты между федеральным центром и гла-

¹⁰⁸ По состоянию на 2019 год ВВП России на душу населения составил \$11 163, что чуть ниже среднемирового показателя, но выше, чем у таких демократий, как Аргентина, Болгария или Бразилия (<https://statisticstimes.com/economy/countries-by-gdp-capita.php>).

¹⁰⁹ О неравенстве в России см., в частности: Remington T.F. *The Politics of Inequality in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011; Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905-2016* // NBER Working Paper Series, 2017, № 23712 (https://www.nber.org/system/files/working_papers/w23712/w23712.pdf).

¹¹⁰ См.: Hale H. *The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundation of a Hybrid Regime* // *Europe-Asia Studies*, 2011, vol. 63, № 8. P. 1357–1375; Carnaghan E. *The Difficulty of Measuring Support for Democracy in a Changing Society: Evidence from Russia* // *Democratization*, 2011, vol. 18, № 3. P. 682–706.

¹¹¹ Fish M.S. *Democracy from Scratch*; Beissinger M.R. *Nationalist Mobilization and Collapse of the Soviet State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

вами регионов России. Немалая часть забастовок была инспирирована и поддержана региональными властями в качестве средства «выбивания» из Москвы выплат по многочисленным долгам, а массовое участие служило не более чем инструментом в конфликте элит¹¹².

Российским властям в целом успешно удается справляться с различными проявлениями общественного недовольства¹¹³ (например, с экологическими движениями в разных регионах страны) – они локализуют протесты на местном уровне и не допускают их разрастания в масштабах страны, тем самым блокируя переход отдельных требований общественных движений на уровень массовых призывов к реформе политической системы (как было в СССР в 1989–1991 годах). За исключением событий 2011–2012 годов, о которых будет сказано в главе 5, политический протест в России долгое время оставался уделом лишь тонкого слоя «несогласных» активистов, не оказывавших заметного воздействия на политический процесс в стране.

Второй фактор: в постсоветской России не возникло никаких условий для «соглашений элит» по образцу «пакта Монклоа» или польского «Круглого стола». В 1990–1991 годах идеи таких соглашений, которые высказывали представители нарождавшейся оппозиции, были отвергнуты правящей группой во главе с Горбачевым¹¹⁴. После краха коммунистического режима и распада СССР у новых российских лидеров, как показано в главе 3, стимулы к компромиссам тоже не возникли. Когда в 1992–1993 годах в России разгорелся конфликт между президентом Ельциным и Съездом народных депутатов (так назывался в 1990–1993 высший орган государственной власти РСФСР, а затем РФ) и Верховным Советом России, обе стороны конфликта не стремились к тому, чтобы разрешить его путем соглашения о новых демократических «правилах игры». Они боролись за свою победу по принципу «игры с нулевой суммой».

В конечном итоге конфликт именно так и закончился в октябре 1993 года, когда Ельцину удалось подавить своих противников с применением силы. Позднее о каких-либо «соглашениях элит» как о механизме демократизации страны речи уже не шло. Напротив, различные неформальные (а порой и формальные) компромиссы различных сегментов элит представляли собой тактические сделки, «картельные соглашения» по разделу политического рынка, предполагавшие включение части их участников в состав «выигрышных коалиций» на второстепенных ролях. Эти механизмы играли довольно важную роль в поддержании статус-кво российского политического режима, но не имели отношения к демократизации и во многом препятствовали ей.

Третий фактор: независимо от того, нравится ли это кому-либо или нет, международное влияние на политические процессы в России на протяжении всего постсоветского периода было, да и остается весьма незначительным и, скорее всего, останется таковым и в будущем. Во многом это связано с тем, что страну с очень крупной территорией, большой численностью населения, высоким экономическим и военным потенциалом трудно представить в качестве государства, которое проводит внутривнутриполитический курс под сильным внешним давлением. Тем более что даже в 1990-е годы, когда страна остро нуждалась в международной финансовой и экономической помощи, политика западных стран и международных организаций (таких как Международный валютный фонд) в отношении России была достаточно противоречивой

¹¹² Robertson G.B. The Politics of Protest in Hybrid Regimes.

¹¹³ Smyth R. Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

¹¹⁴ Подробнее о несостоявшемся «круглом столе» в СССР в 1990–1991 годах см., в частности: Reddaway P., Glinesky D. The Tragedy of Russian Reforms: Market Bolshevism against Democracy. Washington, DC: United States Institute of Peace, 2001, Chapters 3, 4; Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993), т. 1. – М.: Московский центр Карнеги, 2005 (<http://www.yeltsincenter.ru/books/vzlet-i-padenie-parlamenta-perelomnye-gody-v-rossiiskoi-politike-1985-1993-t-1>).

и непоследовательной¹¹⁵, а начиная с 2000-х годов российские власти взяли курс на изоляцию страны от внешнего влияния в политике.

Проблема международного влияния на российскую политику не ограничивается слабостью рычагов воздействия Запада. На нормативном уровне образ многих стран Западной Европы как пример высокого уровня экономического развития и социальных гарантий остается привлекательным и для значительной части российских элит, и для российского общества в целом. *Но если в период перестройки многим россиянам казалось, что для того, чтобы жить «как на Западе», им достаточно будет пройти через краткосрочный, пусть и тяжелый период реформ, то со временем стало понятно, что преодоление этого разрыва невозможно при жизни нынешнего поколения.* Разрыв в уровне развития посткоммунистических стран Европы и их западных соседей оказался слишком велик¹¹⁶. Неоправданные иллюзии сменились глубоким разочарованием, сочетавшимся с многочисленными постимперскими комплексами, которые ярко проявили себя в России после распада СССР и усилились в 2010-е годы после аннексии Крыма.

Хотя привлекательной альтернативы Западу как нормативному образцу в России за три десятилетия выстроить так и не удалось, мысль о том, что альтернативы будущего развития России сводятся к ее превращению либо в восточную провинцию Европы, либо в западную провинцию Китая¹¹⁷, в нашей стране воспринимается с большим трудом. В результате отношение к привнесенным с Запада «правилам игры» в России напоминает «бунт на коленях». Российские власти, особенно в 2000-е годы, по большей части осуществляли имитацию западных «правил игры», пытаясь закамуфлировать признаками внешнего сходства авторитарную природу парламента, избирательной и партийной систем, федерализма и других институтов. Такая стратегия, которая отчасти носила вынужденный характер, наряду с довольно эффективной пропагандой успешно поддерживает российский электоральный авторитаризм, несмотря на ее многочисленные сбои.

На этом фоне правительства США и стран ЕС вели и продолжают себя вести по отношению к России достаточно сдержанно, не имея ни возможностей, ни стимулов для более активной политики. Что бы ни говорили многочисленные критики, влияние Запада на внутривнутриполитические процессы в России в 1990-е годы было не слишком велико. С одной стороны, о крупномасштабной международной помощи для России, которая даже отдаленно напоминала бы американский «план Маршалла» для Западной Европы после Второй мировой войны, речи не шло. С другой стороны, вопреки разговорам о длинной руке «вашингтонского обкома», страны Запада предоставили внутривнутриполитическим процессам в России идти своим чередом.

В 2000-е годы, когда потребность России в помощи Запада утратила актуальность, а стремление изолировать страну от чуждого влияния возросло, правительства США и стран ЕС сосредоточились почти исключительно на экономических вопросах (поставки газа в Европу) и военно-политических проблемах (ядерные вооружения), сведя к минимуму свою поддержку в России демократических институтов и прав человека, а затем и образовательных программ. А после 2014 года, когда Россия вступила в затяжной конфликт со странами Запада, сопровождавшийся санкциями и контрсанкциями, шансы для целенаправленного воздействия на российскую внутреннюю политику снизились почти до нуля. Подытоживая, можно утверждать, что внутривнутриполитические процессы в России зависят по преимуществу от внутренних факторов, хотя и международный контекст не стоит полностью списывать со счетов.

¹¹⁵ Гилман М. Дефолт, которого могло не быть. – М.: Время, 2009.

¹¹⁶ См. сравнительный обзор: Трейсман Д. «Догнать капитализм»: Что получилось и не получилось за тридцать лет посткоммунизма // Рогов К. (ред.) Демонтаж коммунизма 30 лет спустя. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – С. 151–163.

¹¹⁷ Травин Д. Модернизация общества и восточная угроза России // Гельман В., Маргания О. (ред.) Пути модернизации: Траектории, развилки, тупики. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. – С. 111–150.

Наконец, **четвертый фактор: идеологические мотивы и связанные с ними ценности, верования и представления не оказали значимого воздействия на политические стратегии и шаги ключевых российских политических фигур после распада СССР.** Многие специалисты и аналитики в своем воображении склонны наделять россиян некими особыми «духовными» чертами, противостоящими постылой западной рациональности. Но на практике российские политики после распада СССР гораздо чаще вели себя, рационально калькулируя издержки и выгоды своего поведения и минимизируя риски в условиях неопределенности. Стивен Хэнсон, который сравнивал роль идеологии в становлении партийных систем в постимперских государствах, пришел к выводу, что российские политики постсоветского периода были мало привержены декларируемым ими идеологическим предпочтениям, что пагубно отразилось и на партийном строительстве в стране¹¹⁸.

Немалую роль в упадке идеологической политики сыграло не только «наследие» позднесоветской эпохи, глубоко дискредитировавшей само слово «идеология», но и опыт периода перестройки, когда инициированные Горбачевым под воздействием идеологии попытки обновления советской политической системы в итоге привели к ее полному коллапсу. **Над постсоветскими политиками в России словно витало «проклятие Горбачева»: пережив распад СССР, они извлекли для себя уроки: верить во что-либо опасно для карьеры; искреннее следование своим убеждениям ведет к потере власти, а наиболее важные ценности могут быть выражены лишь в долларах или евро.** Идеология призвана расширять временные горизонты своих сторонников, но политические акторы в постсоветской России главным образом мыслили краткосрочными категориями, ставя перед собой (и подчас успешно решая) текущие тактические задачи. Об идеологии демократизации в этих условиях всерьез могли рассуждать лишь политические аутсайдеры, не обладавшие властью и не имевшие никаких шансов к ней прийти.

Итак, хотя многие объективные факторы способствовали демократизации посткоммунистической России, политические механизмы препятствовали этому процессу, задавая соответствующие стимулы для акторов. Низкая вовлеченность масс в политику, отсутствие условий для договоренностей элит о демократизации, слабое международное влияние и невысокая приверженность российских политиков декларируемым идеологиям воздвигали высокие барьеры на пути движения России к демократии, в то время как барьеры на пути строительства авторитаризма оказались крайне низкими. Такие условия увеличивали шансы на безнаказанное «отравление» российской политической системы, создание «правил игры» под себя и в интересах коварных и циничных политиков, которые стремились к максимизации собственной власти.

Этими возможностями, что называется, было грех не воспользоваться. И если после падения коммунистического режима и краха СССР демократия в России на время стихийно сложилась «по умолчанию», то вскоре авторитарные тенденции в стране стали нарастать в результате вполне сознательных, последовательных и целенаправленных усилий со стороны политических лидеров и участников «выигрышных коалиций». Именно эти усилия и ограничения, на которые они наталкивались, и обусловили ту траекторию политического развития, которую демонстрировала Россия в последние три десятилетия.

¹¹⁸ Hanson S.E. Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010; Hale H. Patronal Politics.

Российская политика: Путь в тупик

Успешное строительство авторитарных режимов и обеспечение их выживания – задача куда более сложная, чем успешное строительство демократий. Потенциальные автократы, стремящиеся захватить и длительное время удерживать собственную монополию на власть, вынуждены одновременно решать три взаимосвязанные задачи. Во-первых, они должны если не полностью избавиться от вызовов со стороны политических конкурентов и сограждан, то минимизировать эти риски. Во-вторых, они должны предотвратить угрозы, исходящие от тех сегментов элит, которые стремятся захватить господство разными способами (начиная от военных или «дворцовых» переворотов и заканчивая присоединением к оппозиции, которая выступает против режима).

Эти задачи решаются с помощью двух ключевых инструментов в руках автократов – «кнута» и «пряника». Важнейшими механизмами, посредством которых поддерживается авторитарное господство, служат силовое подавление (репрессии), с одной стороны, и кооптация (включение части потенциальных конкурентов в состав «выигрышной коалиции»), с другой. Наконец, в-третьих, для обеспечения устойчивости режима автократы должны эффективно использовать инструменты управления, опираясь в разных сочетаниях на государственный аппарат (бюрократию), армию («силовиков») или доминирующую партию. Многие авторитарные режимы сталкиваются с вызовами как в случае, если они управляют своей страной крайне неэффективно и доводят ситуацию до полного упадка, так и в случае, если в результате успешного развития и роста экономики в стране усиливаются требования ее демократизации¹¹⁹. Постсоветскому авторитарному режиму пока удается успешно решать эти задачи.

Российский авторитаризм, основания которого сложились в 1990-е годы и оформились в 2000-е, смог достичь консолидации в 2010-е, используя несколько механизмов. Прежде всего, он смог адаптировать к своим нуждам весь набор созданных в 1990-е годы демократических институтов (выборы, парламент, партийная система, конкурентные выборы), поддерживая их форму, но всячески выхолащивая или извращая их содержание. Такая практика «потемкинской демократии»¹²⁰ призвана обеспечить не только внешнеполитическую мимирию, но и кооптацию реальной или потенциальной оппозиции, да и общества в целом.

Российский политический режим не был, да и сегодня (пока что) не является высокорепрессивным: он обеспечивает большинству своих граждан немалый набор индивидуальных, да и гражданских, свобод, но при этом серьезно ограничивает их политические свободы. Политические преследования противников режима по большей части имеют «точечный» характер и применяются скорее в отношении конкретных лиц и организаций, а не широкого неопределенного круга лиц. Такой подход, как мы обсудим в главе 5, отчасти служил репликой нормативных идеалов позднего СССР, но он использовался и прагматически, позволяя минимизировать риски внутриполитических конфликтов и решать задачи «мимирии» и кооптации.

Еще одной важной чертой российского политического режима стало весьма низкое качество государственного управления, которое я ранее охарактеризовал как «недостойное правление»¹²¹. Детальное обсуждение этих аспектов могло бы увести нас далеко в сторону от основного сюжета книги, но важно подчеркнуть, что извлечение ренты и высокий уровень коррупции на фоне низкого качества государственного регулирования – не просто «дефекты» российского политико-экономического порядка, а его ключевые и фундаментальные основа-

¹¹⁹ Huntington S. The Third Wave. P. 55.

¹²⁰ Clark W.A. Russia at the Polls: Potemkin Democracy // Problems of Post-Communism, 2004, vol. 51, № 2. P. 22–29 (https://www.academia.edu/6909743/Russia_at_the_Polls_Potemkin_Democracy).

¹²¹ См.: Гельман В. «Недостойное правление».

ния. Грубо говоря, можно утверждать: *российские правящие группы управляют страной для того, чтобы расхищать ее как можно дольше и как можно больше.*

В силу этого лояльность авторитарному режиму оказывается выгодна с точки зрения доступа к извлечению ренты, а правящие группы успешно используют этот «пряник» для вознаграждения своих сторонников. Напротив, нелояльность может стать основой для жестких селективных репрессий в отношении как противников режима, так и представителей правящих групп¹²². Электоральный авторитаризм в России создает питательную среду для «недостойного правления» в гораздо большей мере, чем многие другие типы авторитарных режимов, включая советский. Хотя политико-экономический порядок «недостойного правления» – большое препятствие для экономического роста и развития страны, в политическом плане он выступает важным инструментом поддержания статус-кво.

Почему и как был создан авторитарный режим в посткоммунистической России? Почему и как он менялся со временем, почему и как он может измениться в будущем? Развернутый ответ на этот вопрос будет представлен в последующих главах книги, однако в самом общем виде он выглядит так.

Когда в 1991 году произошли крушение коммунистического режима и распад СССР, это не означало, что в России сама собой установилась демократия. Демократические институты (конкурентные выборы, формировавшиеся новые политические партии) возникли в стране еще в последние годы СССР, на волне демократических преобразований, которые были инициированы Михаилом Горбачевым. Они сохранились после смены режима «по умолчанию», но от этого не стали «правилами игры», признанными российскими элитами и массами в качестве единственно возможных и неустраимых. В этот период Россия столкнулась с другими проблемами, которые воспринимались куда острее, чем строительство демократии.

Страна оказалась в крайне тяжелом экономическом кризисе, который был вызван непродуманной и непоследовательной политикой советского руководства в предшествующие годы¹²³. Помимо этого, российское федеративное устройство, сложившееся во времена СССР, находилось в «подвешенном» состоянии; угроза сепаратизма и этнополитических конфликтов на территории России была велика, и риски распада страны рассматривались как вполне реальные¹²⁴. Неудивительно, что в такой ситуации российские лидеры не имели сильных стимулов к дальнейшей демократизации страны. Строительство новых демократических институтов как минимум не было их приоритетом. Более того, придя к власти в ходе распада советской системы, они отнюдь не были заинтересованы в том, чтобы по доброй воле создавать условия для конкуренции за голоса избирателей.

Сложившаяся в России в ходе распада Советского Союза в 1991 году «выигрышная коалиция» оказалась непрочной. Вскоре на фоне глубокого экономического спада и высокой инфляции возник острый конфликт российских элит, которые группировались вокруг Бориса Ельцина, с одной стороны, и вокруг Съезда народных депутатов и Верховного Совета России, с другой. Их разногласия по экономическим вопросам быстро переросли в жесткую борьбу за захват позиции доминирующего актора. Но соотношение сил было заведомо неравным: Ельцин обладал куда большими ресурсами, чем его противники, он пользовался более высокой массовой поддержкой и был способен подавить своих конкурентов.

После того, как Ельцин объявил о роспуске парламента, а тот отказался подчиниться и объявил ему импичмент, здание парламента подверглось обстрелу из танковых орудий, и противники Ельцина вынуждены были сдаться. Исход конфликта по принципу игры с нулевой

¹²² Rogov K. The Art of Coercion: Repressions and Repressiveness in Putin's Russia // Russian Politics, 2018, vol. 3, № 2. P. 151–174.

¹²³ Гайдар Е. Гибель империи.

¹²⁴ Petrov N., Treivish A. Risk Assessment of Russia's Political Disintegration / Segbers K., De Spiegeleire S. (eds.). Post-Soviet Puzzles, vol. 2. Baden-Baden: Nomos, 1995. P. 145–176.

суммой («победитель получает все») привел к тому, что Ельцин вскоре добился принятия на референдуме своего проекта Конституции страны. Главной особенностью новой Конституции стал весьма широкий объем полномочий главы государства и отсутствие сбалансированной системы сдержек и противовесов.

Вместе с тем принятие новой Конституции в декабре 1993 года отнюдь не означало, что российская «демократия по умолчанию» сменилась «авторитаризмом по умолчанию». Хотя Ельцин обрел большой объем полномочий, его политической монополии препятствовали слабость российского государства и его фрагментация на федеральном и региональном уровнях и глубокий и длительный экономический спад, помноженный на низкий уровень поддержки президента. Эти причины обусловили дальнейшую фрагментацию российских элит, и «выигрышная коалиция» вокруг Ельцина распалась на несколько конкурирующих клик. В этих условиях Ельцин вынужден был прибегнуть к кооптации ряда политических акторов «второго эшелона», в том числе части своих бывших оппонентов.

Несколько региональных лидеров, готовых обменять лояльность Ельцину на различные блага, подписали двусторонние договоры с федеральным центром о разграничении полномочий (согласно этим договорам, регионы получили значимые привилегии в части налогов и прав собственности). Отдельные бизнесмены смогли получить контроль над прибыльными государственными предприятиями. Оппозиционные партии и политики тоже опасались выступать против режима, в целом они не создавали угрозы его подрыва. Однако цена президентских выборов 1996 года для Ельцина и его окружения была крайне высока: их проигрыш повлек бы за собой как минимум потерю власти, если не угрозу преследования.

Накануне выборов вероятность поражения Ельцина казалась очень высокой, ставя под вопрос гарантии его личной безопасности. Организаторы кампании Ельцина всерьез рассматривали варианты отмены выборов или непризнания их результатов в случае поражения, и даже пытались осуществить новый роспуск парламента. Однако цена выживания правящей группы путем отказа от выборов и силового подавления конкурентов была слишком высока: это могло усилить конфликт элит еще глубже, чем в 1993 году, и повлечь за собой непредсказуемые последствия. В конце концов, команда Ельцина вынуждена была добиваться сохранения статус-кво любой ценой. Выборы прошли явно несправедливо, однако они не встретили сопротивления со стороны оппозиции, которая признала их итоги. Так был сделан еще один шаг в сторону от электоральной демократии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.